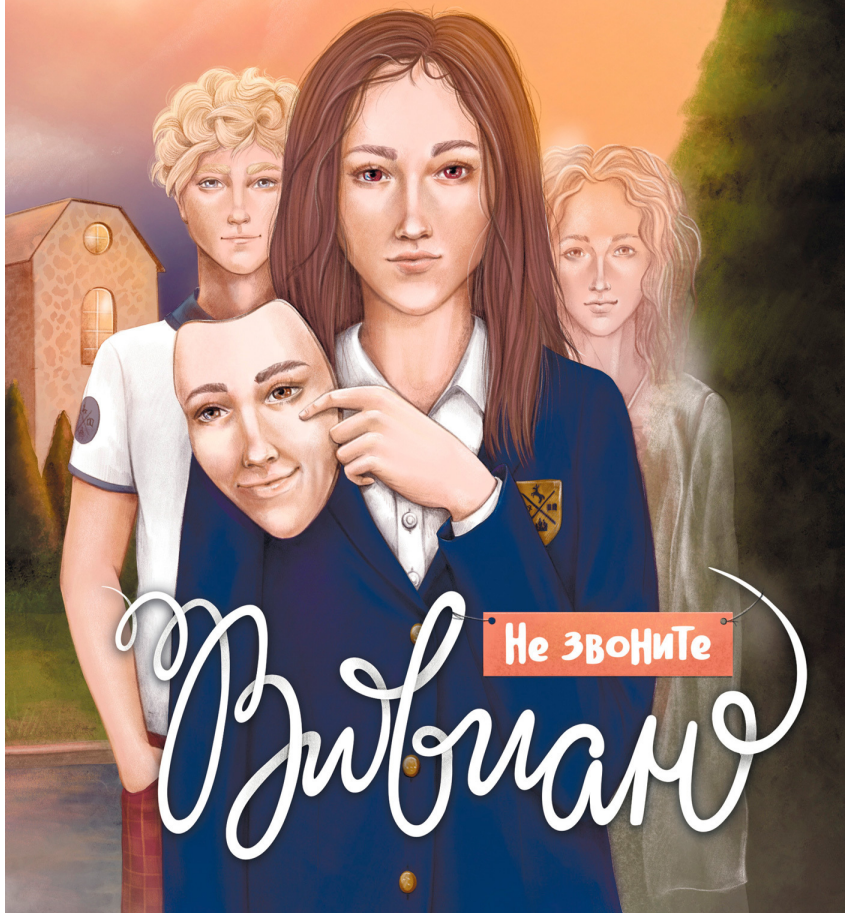

Анабелла Саммерс

Не звоните

Дзвонкам

Анабелла Саммерс

Не звоните Вивиан

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69325906

Не звоните Вивиан / Анабелла Саммерс: Animedia Company; Прага;

2023

ISBN 978-80-7499-246-9

Аннотация

Когда тебе семнадцать и ты в шестой раз переезжаешь в другую страну, кажется, уже ничего не сможет тебя удивить.

В новой школе Вивиан Ковальчик притворяется немой, но сразу же жалеет об этом, встретив идеального парня Артура Золотова.

Будет ли она и дальше врать или заставит себя возненавидеть?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	41
Глава 4	53
Глава 5	78
Глава 6	95
Глава 7	124
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Анабелла Саммерс Не звоните Вивиан

Animedia

© Анабелла Саммерс, 2023

© Издание, оформление. Animedia Company, 2023

Глава 1

Обо мне

Люди слишком переоценивают слова. Не лучше бы было избавить всех от необходимости вести нелепые беседы и отвечать на неудобные вопросы? Только по делу, только что-то чрезвычайно важное, только то, что действительно должно быть сказано. Так я думала раньше. За прошедший год мое мнение претерпело настоящие метаморфозы, можете поверить?

Меня зовут Вивиан Ковальчик, и вот моя история.

Как вы успели заметить, мои имя и фамилия не подходят друг другу, как два одноименных полюса магнита, как молоко и соленая рыба, как джинсовая куртка и минус пятнадцать. Мне нравится моя фамилия, пусть ее и коверкают в каждой стране на свой манер. Кем я только не была: и Ковал, и Ковасик, и просто Ко. Она всегда напоминает мне о проведенных у дедушки и бабушки в Польше летних месяцах. Но вот мое имя...

В паспорте Соединенного Королевства я значусь как Вивиан. Приятно осознавать, что ты являешься гражданкой «Королевства»! Мама настояла на собственноручном выборе моего имени, ведь от отца мне достаточно и «типичной польской фамилии!» Она вкладывала в имя свое желание видеть меня оживленной, яркой и талантливой. Никто еще не ошибался с выбором имени так, как моя мама. Это звучное, воистину красивое имя подошло бы кому угодно, кроме меня. Я никогда не чувствовала себя Вивиан. Почему я не могла быть Агнешкой, Марией или Екатериной? Я не соответствовала этим шести лаконичным буквам. Вивиан, Ви, Виви, Вивиша – у каждого члена семьи и незнакомца находилась для меня особая форма имени. Но я не ощущала себя ни одной из них.

Мое детство прошло именно так, как прошло бы детство какой-нибудь счастливицы Вивиан. До шестого класса я жила в Англии и посещала две школы: дневную начальную школу при гимназии и вечернюю школу при русском консульстве. Это было интересно и тяжело одновременно: решение воспитать ребенка билингвом было принято родителями единогласно. Масла в огонь каждое лето подливал дедушка Стас. Казалось бы, в те несчастные полтора месяца каникул я должна отдыхать и набираться сил, но где уж там, когда тебя не только заставляют говорить на польском, но и водят по музеям, галереям и культурным центрам. Лучше города, чем Краков, для таких целей просто не найти! Даже моя рус-

ская бабушка была согласна с таким подходом, ведь ребенок не сойдет с ума от знания трех языков! Всего-то! Каждый из моей семьи прекрасно говорит как минимум на трех. Только мама наотрез отказывается изучать польский, она прекрасно понимает русский, но не говорит на нем. Вот так же и у меня. Я не люблю говорить. Совсем.

После окончания пятого класса моя жизнь круто изменилась, я словно стала другим человеком. Я даже не смогла сдать SATs, которые так важны для поступления в среднюю школу. С шестого класса я ездила в Англию только на каникулы. Мои родители – ученые. Я по-настоящему горжусь ими, хоть и не до конца люблю все то, что они делают. Мама и папа трудятся на благо человечества и разрабатывают лекарства от рака. Именно поэтому я готова стерпеть возложенное на меня испытание – быть девушкой с именем Вивиан и фамилией Ковальчик.

Активную разработку они начали как раз в 2014 году, когда их пригласил в качестве исследователей Токийский университет. В том же году я отказалась от мяса, увидев кошмарную гибель Гоши – шустрой лабораторной крысы. Хотя я была уверена, что Гоша погиб три крысы назад, но все же... Япония располагала к переходу на пескетарианство, и теперь, вот уже пять лет, я поддерживаю в нашей семье культ морепродуктов. Этот год был для меня самым стрессовым – частые поездки из Лондона в Краков и Санкт-Петербург не сравнятся с жизнью в совершенно незнакомой куль-

туре. За целый год я не выучила почти ничего, кроме «Кони-чива. Саикин до?» В школе при посольстве Великобритании и русском языковом центре мне было тоже не очень комфортно, поскольку там я оказалась единственной новенькой, никак не желавшей вписываться в уже сплоченные коллективы. Я отличалась от японцев всем, и даже учебный год начала не в апреле или октябре, а в ноябре. Мне нравилось, что во время праздников я могла остаться дома, но привыкнуть к любопытным взглядам заинтересованных моей европейской внешностью японцев я не смогла. У меня совершенно обычное узкое лицо с высоким лбом, маминым узким британским носом и большим папиным ртом. Уши не оттопырены, глаза посажены вполне нормально, темно-русые волосы выются и пушатся так, что каждый день моего существования это – bad hair day¹. Единственная моя изюминка – небольшая гетерохромия на правой радужке, голубой леденец, плавающий, по словам папы, в крепком «Эрл Грее».

В том году я поняла, что друзей у меня больше не будет. Мои школьные приятели остались в Англии и почти все удалили меня из друзей на Facebook. Хорошо, что я не являюсь большой поклонницей социальных сетей. А о разговорах... Пока я строю в голове более или менее корректный ответ на вопрос, мой собеседник от такого грубого молчания спешит ретироваться. А мне просто не хочется пока-

¹ Дословно «день плохой прически», когда из-за плохо уложенных волос или неуверенности во внешнем виде кажется, что весь день пройдет скверно.

заться невеждой, особенно когда у тебя родители семи пядей во лбу. Это и помогло мне отрастить крепкий словонепробиваемый панцирь. Никто ничего от меня не ожидал, и я, в свою очередь, не огорчала людей неоправданными ожиданиями.

Точкой невозврата стал июль 2015 года. Тогда я наконец решила украсить свою спальню именно так, как давно хотела, хотя до сих пор боялась признавать квартиру в новой многоэтажке своим домом. Неделью спустя за ужином родители сказали, что их исследования в Токио закончились, и теперь для их продолжения им надо ехать в независимую лабораторию в Сиднее.

К седьмому классу я приноровилась уходить от разговоров и приняла неизбежное – мой дом теперь не в Лондоне, а там, где находятся мои родители.

Ситуацию и мои шаткие нервы спасали бабушка и дедушка в Кракове, которые были рады видеть меня в любое время года или суток, независимо от так сильно разнящегося времени каникул в многочисленных школах. Мне всегда было приятно почувствовать себя в центре их внимания, особенно когда я осознала, что работа у родителей стоит на первом месте. До меня.

Как счастлива я была видеть в руках дедушки долгожданный билет до Москвы или Санкт-Петербурга! «Бабушка Света не простит мне такой несправедливости!» Я знала все о жизни дедушки Станислава и, наконец, узнала все и о дет-

стве и юности бабушки. Солнышко, а точнее – Słoneczko, так он всегда называл любимую жену. И для меня не было времени дороже, чем проведенное с ними.

Одиночество в Сиднее закончилось для меня страшным бронхитом, долечиваться от которого пришлось уже в Цюрихе. С немецким у меня не заладилось еще в аэропорту, когда твердолобый работник таможни решил конфисковать у меня памятную катану в футляре размером с маникюрный набор. Возможно, он не сказал мне ничего плохого, но интонация сбила меня с ног – мне казалось, что на меня наслали древнее проклятие, обрекающее невинного туриста на медленную мучительную смерть.

В том году я поняла еще кое-что – к вещам привязываться нет смысла. Новая съемная квартира, новая школьная форма, новый обет молчания и неловкости во время ответов на уроках. Каждый год – новая жизнь. Почти такая же, как и старая. Нет, вы не подумайте, познавать новую культуру каждый год – да нет ничего лучше! Но видеть своих родителей только по воскресеньям, каждый день слушать их отговорки и извинения, одной изучать незнакомую местность, а потом слушать дома тишину двадцать четыре часа шесть дней в неделю – это тяжело для любого человека, а особенно для ребенка или подростка. Спасибо незабываемым пейзажам и роскоши Швейцарских Альп, благодаря им я продержалась без эмоциональных срывов целый год и искренне влюбилась в природу и архитектуру своего временного дома.

Родители доверяли выбранным учебным заведениям. Ведь с Цюриха начался их нездоровый интерес к открытию у меня какого-нибудь таланта. Именно поэтому они отправили меня в частную гимназию для одаренных детей, несмотря на то что одаренной я никогда не была. Восьмой класс мне дался труднее двух предыдущих, ведь теперь мои родители платили не просто за качественные базовые знания, а за открытие у меня зарытого из-за частых переездов творческого потенциала. Поэтому мне было жаль потраченных денег вдвойне. Рисование, фортепиано, гончарное ремесло, хореография, поэзия, кулинария, фотография... я занималась всем, и почти во всем была совершенной посредственностью! За исключением рисования и хореографии – тут я оказалась просто ужасна! Каждый учебный день давался мне с большим трудом, я утешала себя только близостью каникул и возможным концом этого позора. Если я не хотела уезжать из Сиднея, то из Цюриха бы поскакала верхом на коне (кстати, с верховой ездой все было не так плохо). Ситуацию усугубляло еще и то, что все занятия проводились на английском, что после учебного года в Сиднее делало меня лучшей в классе иностранного языка. Моего поверхностного знания немецкого было достаточно, чтобы понять, какими некрасивыми словами меня величают местные гимназистки. Каждый вечер по скайпу бабушка и дедушка утешали меня уменьшающимся сроком разлуки.

Я была по-настоящему рада переезду в Сеул. Корейская

культура познакомила меня с веселыми сериалами, интересной музыкой и кухней. Отсюда мне действительно захотелось взять что-то с собой, и я совсем не была готова к следующему переезду. Тем более, если я так и не завела здесь друзей, то со мной хотя бы общались одноклассники: мы здоровались и прощались, несколько раз даже ходили вместе в кафе и отмечали праздники. Они сподвигли меня на создание своей странички в Instagram, ведь я сама раньше не задумывалась о том, какой интересной может показаться моя жизнь со стороны. Я стала выкладывать туда фотографии всех мест, где побывала, с такой частотой, что скоро это вошло в привычку. Мне не хотелось портить профиль своим простым лицом, хотя мои корейские одноклассницы были «готовы продать душу за такой тоненький нос». Спасибо им, что они до сих пор ставят сердечки к фотографиям, число которых уже перевалило, между прочим, за тысячу. Конечно, и блогер из меня никудышный, я поняла это совсем скоро, а с введением новой функции сделала профиль закрытым.

Мои родители становились все более нервными, их исследования не двигались с мертвой точки, и ничего уже не зависело от технических условий или работы персонала. Не хватало сырья и настоящих умов. К моему великому облегчению, именно тогда папа вызвал из Москвы своего помощника, ставшего уже неплохим онкологом, – Александра Веселова, моего названного старшего брата. Наша разница в возрасте никогда не была камнем преткновения, мы общались

на равных, и это действительно облегчало мне жизнь. Теперь я снова приходила к родителям на работу, но уже для общения с настоящим носителем русского языка! Тем более никто, кроме Саши, не называл меня Вивишей, что поднимало мне настроение каждый раз, как я переступала порог лаборатории.

– Вивиша! А у меня как раз обед.

– Опять практикуешь интервальное голодание?

– Интервальное голодание – это стиль жизни, дорогая. Особенно с такой работенкой, как у меня. Поверить не могу, что Пашка позвал меня присоединиться к своей кругосветке. Так, не заляпай, пожалуйста, кафель! А, ты в бахилах. Правильно.

Я по привычке улыбаюсь.

– Пашка! Так забавно это слышать.

– Ну да, у вас же там Павел, Пол, как только не обзовут. И вообще, когда ты мне покажешь город? Мы почти год не виделись. С ума сойти. Ты скоро меня перегонишь!

– Как же!

– У нас целый девятый класс впереди. Слушай, всегда было интересно, как тебя переводят в разных странах в следующий класс? Это вообще законно? – друг очень осторожно наклеивает подписанные стикеры на пробирки.

– Я же посещаю частные школы, а там все возможно. Здесь меня хотя бы не заставляют танцевать.

– Это огромный плюс! Только не забудь, что ты мне обе-

щала. Мне как раз придется тебя заставить, но не танцевать, а петь.

– Караоке! Я помню.

Саша кивает, поправляет прямоугольные очки в толстой черной оправе и закрывает холодильник.

– А теперь – обед!

Так и прошел мой девятый год обучения в Сеуле. Он был ярче и насыщеннее трех прошлых лет, и теперь я не чувствовала себя так одиноко. У меня был Саша – заядлый игрок в плейстейшн и певец в караоке со стажем, плюс ко всему холостяк с одной-единственной целью в жизни – излечить от рака как можно больше людей. Я не смела отрывать его от работы, приходила только тогда, когда он сам разрешал. Родители всегда говорили, что доверили бы Алексу свою жизнь, а если бы были знакомы с ним до того, как меня крестили, то он точно был бы моим крестным отцом. Я тоже доверила бы ему свою жизнь.

Но все хорошее рано или поздно заканчивается. Закончить учебный год в Цюрихе раньше на несколько месяцев, чтобы переехать в Сеул? Да запросто! Именно поэтому свое обучение в девятом классе я начала раньше. Как только я приступила к законному отдыху, начала планировать свое времяпрепровождение с дедушкой и бабушкой и уже немного задумалась о дизайне своей комнаты, мама снова приготовила ужин и даже пригласила Сашу. А это не сулило ничего хорошего. «Последние три года ты будешь учиться в Нью-

Йорке! Все решено. Выпускные экзамены ты тоже будешь сдавать в Штатах. Да, придется потрудиться, но с языком тебе будет легче. Алекс тоже едет с нами. Прости, что так вышло, но это в самый последний раз». Сказано это все было на английском, но самое обидное – я даже возразить ничего не могла. Что может несовершеннолетний подросток? В моем паспорте уже заканчивались страницы для виз, но надежда на то, что для их продления мне придется хотя бы несколько раз посетить Англию, грела сердце.

Самым страшным оказалось прощание с городом и одноклассниками. Среди них у меня не было близких друзей, но чувствовать, что ты принадлежишь какому-то сообществу, было чудесно. Именно тогда я запретила себе привязываться к людям. Именно тогда я решила не заводить больше никаких знакомств и сократить до минимума свои усилия в общении.

Меня утешал и Саша, которому самому требовалось утешение, позднее и бабушка с дедушкой. Но тщетно. В то лето мне ничего не смогло поднять настроения. Краков казался унылым и пресным, Питер – серым и многолюдным.

Покою не давали и скрытные родители, не желающие обсуждать со мной работу: «Мы и так из лаборатории не выходим, а ты еще и дома достаешь!» Из Саши информация доставалась только клещами, в микродозах. Я мечтала увидеть своих родителей по телевизору: «Ученые из Англии нашли лекарство от рака». Как бы много сразу стало счастли-

вых людей! Но мечты оставались мечтами.

В Нью-Йорке Вивиан Ковальчик никого не удивляла ни своим именем, ни внешностью, ни родом деятельности родителей. Только Нью-Йорк удивил Вивиан Ковальчик, которой пришлось за один учебный год сменить две школы. Сперва у меня не заладилось с устройством обычной старшей школы, в которую я отправилась по месту жительства. Там все было не так: и предметы, и расписание, и учителя, и ужасный, режущий ухо акцент. Я была подавлена вдвойне – знакомые из Сеула не продолжили общение со мной после отъезда. Новые одноклассники делали вид, что меня нет, то есть вели себя именно так, как я и хотела.

Скоро я не смогла терпеть этого давления, в голове перемешались все мои знания, все места, которые я когда-то называла домом, все люди, что я встречала...

Я начала пропускать занятия. Родители отвозили меня в школу каждое утро, но как только машина скрывалась за поворотом, я с изгаженным и тяжелым сердцем отправлялась в метро и ехала в Центральный парк или устраивала вояж по музеям. Когда меня чуть не ограбили и мне все-таки осточертело количество людей на улицах (а это случилось где-то через неделю после первого прогула), я решила со- врать школьному советнику более изощренно и описала, как сильно родителям нужна моя помощь. Еще неделю я провела дома, взирая на город с высоты двадцать первого этажа, как если бы я была повелительницей этого века. В скором

времени родителей вызвали в школу.

– Почему, Ви? Откуда это взялось в тебе? Врать нам, врать в школе? Да что с тобой такое?

«Извините, что разрушила ваше идеалистическое представление о бездарной дочери, тщетно ищущей свой талант в сотой школе сотой страны», – думаю я (но, конечно же, не говорю).

– Разве мы тебя чем-то обделяем? Разве тебе не хватает денег, путешествий, разве у тебя плохие условия для жизни и развития?

«Простите, что мне не хватает вас, вашей заботы и поддержки, а дорогие гаджеты, элитное жилье и учебные заведения для гиперодаренных детей не могут мне этого заменить!» – думаю я (но, конечно же, не говорю).

– Нам придется пойти на отчаянные меры! – решает моя мама, так и не разобравшись, откуда у данной ситуации растут ноги.

– Оливия, ты же не имеешь в виду...

– Да, Пол, это именно то, что я имею в виду. Вивиан отправится в загородный интернат.

Не знаю, что смешнее мне было слышать – мамины риторические вопросы или само «судьбоносное» решение, но в ответ я почему-то лишь кивнула и с улыбкой подумала о том, что у меня в телефоне забито всего семь контактов: Мама, Папа, Дедушка, Бабушка, Дедушка Джон, Саша, Страховая компания. И смешно и грустно, да, Ви?

Десятый класс я закончила с великой радостью, ведь это унылое заведение с пафосным названием «Закрытый частный пансион Уильяма Гения» могло кого угодно превратить в замкнутого и несчастного человека. Я с содроганием вспомнила гимназию в Цюрихе и по-настоящему квалифицированных педагогов. Какое уж тут! Целых два месяца до рождественских каникул я почти не спала, ведь моя соседка Сара храпела, как батальон мопсов. Во время отдыха в Лондоне, куда родители решили пригласить всю семью, мне тоже не очень удалось поспать: мамина только родившая двоюродная сестра понятия не имела, что делать с кричащим ребенком. Хорошо хоть, бабушка догадалась, что у малыша кишечные колики! В итоге я все равно не выспалась.

Я получила много приятных подарков от родственников и почти каждому подарила что-то от себя, но больше всего меня удивила записная книжка, подаренная дедушкой Джоном. Он мало общался с мамой все эти годы и вел немного затворнический образ жизни. Блокнот в бархатном переплете мятного цвета и с тонкими пергаментными страницами оказался непростым, в него была вбита серебряная табличка с гравировкой:

Have more than you show,
Speak less than you know.
William Shakespeare

This notebook belongs to the most EXTRA ordinary girl – my dear Vivian.

Make the most of it.

(«Имей больше, чем показываешь, говори меньше, чем знаешь». Уильям Шекспир.

Этот блокнот принадлежит самой НЕобычной девушке – моей дорогой ВивIAN. Используй его по полной.)

Никогда раньше я не думала о том, что бумага может оказаться хорошим слушателем. Оценки по математике у меня всегда были лучше, чем по литературе. Но блокнот представлялся прекрасной альтернативой удушающему скоплению мыслей, хорошим началом года, обещающего быть спокойным и плодотворным. Я намеревалась выжать из учебы все соки, даже если была недовольна качеством обучения, хотя соседка по комнате оставалась прежней. И я уже было привыкла к раннему подъему, общему душу и приемам пищи по расписанию...

Но в начале июля я вернулась на двадцать первый этаж, где хотя бы кусочек города был виден как на ладони. К хорошему быстро привыкаешь – грязный воздух города дал о себе знать скоро посетившей меня аллергией, огромные толпы вечно спешащих пешеходов сводили меня с ума. В один из таких суматошных вторников родители вдруг организо-

вали поход в ресторан.

– Японская кухня? Вау! – Саша радуется семейной вылазке больше всех.

– Ви, у нас к тебе серьезный разговор, – начинает отец как раз в середине главного блюда.

– О. Это не к добру, да? – Так вот к чему ресторан в будний день! Форель сразу перестала выглядеть аппетитной.

– Мы подошли как нельзя близко к решению проблемы. Остался всего один шаг до получения разрешения на клинические испытания. Все наши коллеги, с которыми мы работали на протяжении последних семи лет, решили объединить силы. У нас для тебя две новости...

– Хорошая и плохая?

– Решать тебе. Пожалуй, хорошая состоит в том, что школу ты закончишь в следующем году.

Саша, засунув в рот целое онигири, радуется больше меня:

– Фи, это же здорово!

– А плохая... – отец смотрит на несмелую маму, ища поддержки. – А плохая состоит в том, что мы арендовали здание, которое можно переоборудовать под лабораторию. И здание это находится в России.

Я не верила своим ушам! Шестой! Шестой переезд! Разве это возможно? Я чувствовала себя артистом из бродячего цирка, клоуном, над которым жестоко смеются бесчувственные зрители.

– В Москве? В Питере?

Папа заметил что-то очень увлекательное в щербинке на столе.

– Нет. Не в Москве и не в Питере.

– А где тогда?

– Да, Паша, где? Я, вообще-то, тоже об этом первый раз слышу! Обидно, – друг откладывает палочки и хмурит густые брови.

– В Калининградской области. Это недалеко от границы с Польшей.

– Боже мой! Там что, аренда дешевле?! Почему именно там?

И пока родители объясняли все тонкости фармацевтической промышленности недоумевающему Саше, я мысленно разрисовывала афиши нашего цирка на следующие десятилетия. Это турне не могло больше продолжаться! Мне показалось, что весь мир вокруг меня закрутился: деревянные перегородки съехали со своих осей, восточные бумажные светильники надулись, как воздушные шары, и лопнули с таким гулом, что посуда разбилась на миллионы маленьких осколков.

Мы снова переезжаем. В последний раз. Ведь по нашему договору университет выбираю я. Мне надо продержаться всего лишь год. Всего лишь год. Какие ты видишь в этом плюсы, Вивиан? Никаких, конечно! Нет, подожди, не торопись. Подумай хорошенько. Ага, ладно. Для начала, это

же тот аппендикс? Он действительно расположен близко к Польше. Я смогу ездить к бабушке и дедушке чаще! Второй плюс – я смогу улучшить свое произношение и знание русского языка в целом. Третий плюс... Там вроде бы море. И народу не так много, как в том же Нью-Йорке. А какие минусы? Это место опять не станет твоим домом. Снова переезд. Снова привыкать к людям, предметам, учителям... И да. Остается всего год, чтобы решить, кем я хочу быть. Два года звучали более убедительно.

Меня зовут Вивиан Ковальчик, и это решение моих родителей породило огромный ком неудач и лжи, засосало всех моих близких в водоворот горя и насильно забытых воспоминаний и сподвигло меня на трудное обретение самой себя, принятие своего имени и окружающего мира.

Итак, все началось с записной книжки, обтянутой бархатным переплетом мятного цвета, с гравировкой: *«Имей больше, чем показываешь, говори меньше, чем знаешь».* Уильям Шекспир».

Глава 2

Решение

– Нет, Ви, даже не проси! Ты знаешь, как сложно реализовать твою безумную идею? Да еще и врать Паше с Ливи! Не буду, не ной.

– Но, Саша! Ты еще не выслушал до конца. Это мой первый гениальный план!

Друг нервно переставляет кружку с одного места на другое:

– Прости, Ви, я не смогу врать твоим родителям. Мне с ними работать.

Я скрещиваю руки на груди и надеваю гримасу обиды:

– А я? А обо мне вообще кто-нибудь думает? Запихнули в какую-то тухлую школу в каком-то лесу и рады, что трудятся на благо человечества. А я, можно подумать, не человек вовсе.

– Ви, ну ты чего. Конечно, человек. Даже не думай так... Просто представь, сколько документов придется сфальсифи-

цировать...

– Oh, fiddlesticks²! Пара справок. Никто не будет ничего проверять, это же какой-то Калининград, не столица! Я уже все разузнала об этой школе.

– Да? Кто бы сомневался. Ну, расскажи в таком случае, – Саша говорит и одновременно листает ленту новостей.

Я прокашливаюсь для привлечения внимания.

– Новая гимназия для, конечно же, одаренных детей открыта всего пять лет назад и находится даже не в самом городе, а в...

– Области?

Я поджимаю губы, признавая свое языковое поражение, и киваю.

– Да, в области. Школа действительно элитная, там учатся талантливые дети со всей России. Ну и, конечно, есть такие исключения, как я.

– В смысле?

– Чтобы начать обучение, нужно пройти кучу разных аудиций.

– Прослушиваний?

Я недовольно закатываю глаза:

– Ну, ты понял. А если вдруг существуют те, кто гонятся за модой или просто хотят потешить свое самолюбие, – любой каприз за деньги родителей! Я вслух не скажу, сколько они заплатили.

² чепуха.

– То есть ты хочешь сказать, что ты уже зачислена? Все документы в школе? – Киваю. – Ты думаешь, они не удивятся, узнав, что твои родители вдруг забыли упомянуть о том, что их дочь глухая? Или какой ты там собралась быть, немой?

Немного ужасаюсь от того, как это звучит со стороны.

– Немой, да. Поверь, за такие деньги им должно быть все равно! Это отличный вариант. У меня будет больше письменных заданий, я не буду отвечать на уроках, со мной не будут пытаться заговорить люди – супер! Я считаю, что за последние годы я заслужила отдых. Пусть будет по-моему. Хотя бы разок. Тем более ты будешь жить с нами. Значит, сможешь отвезить меня в школу.

– Только водителем я еще не был!

– Pretty pretty please! (Ну, пожалуйста!) Ты спасешь меня!

Саша делает большой глоток уже остывшего кофе. За окном усиливается дождь. Я смотрю на свои тканевые кеды и жалею, что не поехала на велосипеде.

– Но родители рано или поздно узнают. В конце года так точно. Или на собрании. Или им вообще позвонят... Нет, Ви, это как-то очень уж рискованно. Прости.

Каждое утро я просыпаюсь с навязчивой цитатой в голове: «Have more than you show, speak less than you know». Мне все равно, как она должна интерпретироваться, я понимаю ее буквально.

Слышу голоса из кухни: «Я думаю раздать это бедным. Ты согласна?» – «Полностью». Родители делают так каж-

дый раз, и каждый раз меня охватывает гордость за то, что это – мои родители. В любом нашем новом жилище – новая мебель, техника, посуда. Через год все это раздается простым людям, отвозится в учреждения. И одновременно я чувствую пустоту, потому что то, что я считала своим, больше мне не принадлежит.

Достаю из чулана вакуумные мешки и иду упаковывать вещи, чтобы в мой любимый чемодан размера XL влезло как можно больше воспоминаний. Хорошая японская ортопедическая подушка, любимый корейский плед, одеяло тоже влезет... Или это все можно купить на новом месте? Опять ходить по магазинам!..

За несколько часов упакованы вещи первой необходимости. Родители отвезут их домой, а я с рюкзаком за плечами на две недели отправлюсь в тихую родную гавань – в Краков. Я знаю, что бабушка и дедушка не будут доставать меня расспросами или делами по дому, поэтому я хоть немного, но отдохну. С родителями так нельзя, в воздухе всегда витает напряжение. Вдобавок ко всему, когда я дома, я становлюсь Золушкой, не ожидая какого-либо бала или простого человеческого спасибо.

Звонит Саша, чтобы сказать, что присоединится ко мне в середине августа, приедет на пару дней. Просит показать ему город. Включаю камеру.

– Ты какая-то уставшая.

– Это звучит не как комплимент.

– Это не комплимент, а беспокойство.

– Don't you worry! (Не волнуйся!) Просто спала мало.

– Опять свои драмы смотришь?

Я улыбаюсь и киваю несколько раз, не говоря о непроходящей бессоннице. Возможно, на меня до сих пор действует влияние соседки по комнате.

– Саш. Ты еще это... не передумал? – коронный взмах бровями.

– Давай обсудим это при встрече? Уже в Польше.

Я снова киваю. Устала говорить.

– Гуд найт, Вивишка.

– Спокойной ночи, Саш.

Иду на кухню попить воды. Родители уже отдали почти всю утварь, наливаю воду из-под крана в свою многоразовую бутылку с Минни-Маус. Значит, Саша мне не совсем отказал. Он хочет что-то обсудить. Надежда умирает последней! Буду ждать нашей встречи и постараюсь его в самом деле убедить.

С тяжестью на сердце окидываю взглядом полупустое помещение: хоть я и жила здесь только по выходным, я знала, что всегда могу вернуться, всегда найду здесь некое подобие своей комнаты и панорамные окна с видом на краешек центра и не совсем приятную, но такую привычную окраину. Достаяю из кармана спортивных штанов телефон и включаю камеру. Фотографирую панораму так, чтобы окно разделяло город на две части. Захожу в Instagram и выставляю фото,

подписывая: And last but not least, is the goodbye picture. Well, not the last at all («Последнее, но не менее важное – прощальное фото. Хотя, вообще-то, не последнее»).

Кухня, выполненная под металлик, без следов жизни человека, пытающегося привнести уют, выглядела как рабочее место патологоанатома, устрашала и навевала грусть одновременно. Я думаю о том, что понятия не имею, в какой стране хотела бы жить после школы, а также хочу ли я вообще продолжать обучение и получать диплом бакалавра. Если что, варить кофе и печь хлеб у меня получается не хуже, чем решать уравнения.

Поперхнувшись водой, понимаю, что наличие таланта не зависит от количества денег и усилий родителей вложить их в мое качественное образование. А что, если мой талант – это разбивать стереотипы? Если бы я могла распоряжаться деньгами родителей, то лучше бы перевела их в Гринпис или какой-нибудь приют.

Думаю о том, кто сейчас живет в наших прежних пристанищах. Кто-то будет жить и в этой квартире. И мы будем жить там, где кто-то жил до нас. Круговорот.

На кухню заходит отец. Вид у него, мягко говоря, не очень.

– Собираешься спать? Завтра тяжелый день. Мы за тебя переживаем.

Показываю отцу бутылку, мол, ходила попить воды:

– Не стоит.

– Ты права. Мы посадим тебя в самолет, ты пересядешь в Шереметьево, а потом тебя встретят родители. Ты уже большая. Ты умничка, – успокоил себя вслух отец. Я киваю и выливаю недопитую воду в раковину.

– Night, Dad. (Спокойной ночи, пап.)

– Sleep tight, Vi. (Спи крепко, Ви.)

Лежу на незаправленной кровати, укрытая дорожным пледом, и смотрю на то потухающий, то загорающийся от нажатия кнопки блокировки мобильный. Не приходят даже оповещения об обновлении приложений. Интересно, какво это, когда тебе пишут и интересуются, как у тебя дела? Большинство шуток в интернете я не могу примерить на себя, поскольку не подхожу ни по одному параметру. Этой зимой у меня день рождения. Мне будет восемнадцать, но это ничего не изменит, как происходит уже шестой год. Захожу в поисковик и ввожу: «Калининград». Когда-то этот город был частью Пруссии, говорят, там даже похоронен Иммануил Кант, философ. Россияне любят приезжать в Калининград, чтобы почувствовать дух Европы. Парадокс, но я еду туда, только чтобы почувствовать дух России.

Два часа до того, как прозвонит будильник. Я проваливаюсь в неглубокую дрему, но вскоре меня сковывает проклятый сонный паралич. Это мой секрет, я никому о нем не рассказываю, потому что считаю это явление, приходящее ко мне как минимум два раза в неделю, наказанием за все содеянное. Я не люблю спать и считаю сон переоцененным,

как и слова.

Смотрю на невысокий, по сравнению с соседними зданиями, небоскреб в последний раз и задаюсь вопросом: «Как скоро я вернусь в Нью-Йорк?» Скованными от внутренней дрожи пальцами я достаю телефон из кармана джинсовой куртки и фотографирую небо так, чтобы в кадр попали часть верхних этажей, многослойные перистые облака и несколько случайных ворон. Решаю не выкладывать это фото в интернет.

Мама нервничает больше обычного, а я кажусь спокойной, как море в штиль. Она приглаживает ладонями мои растрепанные волосы несколько раз, оттягивает куртку, открывает и закрывает молнии на рюкзаке.

– Ничего не забыла? – Мой взгляд приковывает группа молодых людей в спортивной одежде: три парня и четыре девушки. Они делают селфи и хохочут так, что на них оборачиваются все те, кто встал не с той ноги. – Ви?

– Вроде нет, – отвечаю я, помедлив.

Отец засовывает мне в нагрудный карман небольшую пачку купюр.

– Поменяешь в обменнике на злотые. Должно хватить на личные расходы. А карточку мы заведем уже в России.

Я киваю. Родители кажутся взволнованными, но также и умиротворенными, как будто избавились от тяжелого груза. Ах да, я – этот тяжелый груз.

Сажусь в кресло и пристегиваюсь. Нахожусь между груз-

ным мужчиной и женщиной азиатской внешности. Впереди десять часов полета. Телефон вибрирует – пришло уведомление. Саша.

«Извини, что не пришел проводить!!! Вчера до ночи собирал вещи, был уверен, что завел будильник, но ошибся. Прости, Ви, с меня должок! Хорошего пути, обязательно напиши, как приземлишься».

«Ничего, – думаю я. – Кажется, я знаю, как ты оплатишь мне этот должок».

Включаю режим «в самолете», надеваю наушники и включаю аудиокнигу Исигуро Кадзуо «Не отпускай меня» на польском языке. *Nie opuszczaj mnie...*

– Не отпускай меня, Ви, слышишь? Не отпускай, держи меня!

– Я никогда тебя не отпущу. Держись за меня. Только держись...

– Ви, мне больно! Ви!

* * *

– А вот и моя любимая внучка! – Бабушка крепко сжимает меня в объятиях и просит в подробностях рассказать, как это мне одной удалось прилететь с пересадкой и избежать проблем.

– Я просто очень взросло выгляжу и вызываю у всех доверие, – отвечаю я, сама не веря в свои слова.

Дома меня ждут фирменные бабушкины пончики – не дырjвые американские, а пышные польские, посыпанные сахарной пудрой. Дедушка рассказывает, какие музеи закрыты на реставрацию, а какие выставки только открылись.

– Мы посмотрели, как тебе добраться до Калининграда. Сначала доедем на поезде до Гданьска, там посадим тебя на автобус. Вы же уже получили визы? – Я киваю, радуясь тому, что набила рот тестом.

Сижу на балконе и смотрю на уютный и родной Краков. Какой же ужасный мир Кадзуо описал в своей книге! Если бы я узнала, что такое происходит в действительности, то написала бы тысячу петиций властям... Я снова не сомкнула глаз. На эти две недели мне нужно перестать думать. Куплю завтра комиксы, чтобы не читать ничего высокоморального.

Решаюсь посмотреть экранизацию, чтобы сравнить ее со своим представлением сюжета. Снова не могу заснуть из-за ужасных картин, возникающих в голове после просмотра, особенно из-за сцен в больнице. Ненавижу больницы.

По традиции раз в три месяца я, собрав всю волю в кулак, устраиваю осаду кинотеатра. Выбираю самый удобный день (чаще всего это вторник или среда), когда торговые центры немногочисленны, а из проката еще не убрали все новинки. Я покупаю пять или шесть билетов на разные фильмы – все сеансы подряд. В этот раз мне повезло – люблю Польшу за возможность посмотреть фильмы в оригинале с субтитрами: «Однажды в Голливуде», «Дора и Затерянный го-

род», «Человек-паук», «Король Лев», «Мертвые не умирают»... Целый день я провела в пяти разных мирах, отличных от моего, таких красочных и цепляющих, с виду похожих на мою жизнь. Но на самом деле моя жизнь никогда не была похожа на фильм. Даже если я и переезжаю в новую страну, этим мои приключения и заканчиваются. Я не встречаю интересных людей, они просто проходят мимо, я не делаю каких-то открытий, я не провожу время так, чтобы это надолго отпечаталось в памяти... Я чувствую себя своим же эхом.

Две недели проходят как один день. Страшно осознавать, что уже середина августа, ведь совсем недавно было Рождество и Новый год. Время никогда не шло так быстро, как в последние несколько лет, пестрых и сумбурных. Воспоминания еще четкие, но уже кадрированные, как будто я вспоминаю не собственную жизнь, а чей-то пересказанный сон. Достаяю из своего Kanpen кирпичного цвета уже немного заляпанный блокнот с потертым бархатом и начинаю свою исповедь:

«Никто давно мне не говорил, что такое хорошо, а что такое плохо, поэтому я делаю как знаю. Никто же не пострадает от этого, верно? Всем даже будет лучше. Наконец-то за все эти годы я по-настоящему отдохну от косых взглядов и непонимания. Я буду просто "немой новенькой из Англии". Я стану такой же незаметной, как моя тень».

В старом городе, как обычно,людно и оживленно. Снова тот же мим, снова – многочисленные кареты, запряжен-

ные несчастными лошадьми, снова – уличные танцоры, ищущие моментов славы в лучах нетипичного для августа жаркого полуденного солнца. Заворачиваю направо, в узкую мощеную улочку, оставляя Главный Рынок с его ежедневной мишурой позади. Напрягаю зрение и вижу друга, машущего мне обоими руками: все те же очки в темной толстой оправе, все те же уложенные черные волосы и неизменные кеды Vans. Смотрю на свои ноги и улыбаюсь – это то, что делает нас друзьями. Общие мелочи.

– Правда, Starbucks? Ты не изменяешь своим привычкам!

– Вивиша! – Саша крепко меня обнимает и открывает дверь внутрь кофейни. – Просто я знаю, что если здесь и испортят кофе, то обязательно его переделают. Нужна всего-то небольшая истерика. Иди занимай столик, я закажу. Угощаю.

По привычке прохожу в самый конец второго зала, туда, где меньше всего людей.

– Ну что, какие у тебя ожидания?

– У меня их нет. А у тебя?

– А у меня есть. Хочу небольшую, но оборудованную лабораторию, чтобы никто нос не совал не в свои дела, и свою комнату с огромным телевизором. Ну и все, в общем-то.

Размешиваю ложкой в стакане кубики льда и делаю большой глоток:

– А как ты понял, что хочешь быть врачом? Да еще и...

– Онкологом? Удивительно, да, что никто в моей семье

с этой дрянью не столкнулся? У меня в начальной школе был друг. Лешка. Его воспитывала мама, и вырос он, в общем-то, хорошим пацаном. Мы с ним все свободное время проводили до четвертого класса, он потом стал очень скрытным, в школу мог неделями не ходить. И вот у него в феврале день рождения. Ну, я-то, естественно, помню, родителям весь мозг проел с конструктором, который он когда-то хотел в подарок. Была суббота, у отца выходной, выпросил, значит, чтобы он к Лешке отвел. Сам ведь боялся, что Лешка уже совсем не Лешка, что его инопланетяне похитили или еще какая ерунда приключилась. Дверь открывает его бабушка и говорит, что они спешат, но, мол, подарок пусть ваш Саша подарит. Иду к нему в комнату, в дверь не стучусь, какое там чувство такта в десять лет? А он сидит на своем диванчике и ревет. Тогда я и понял, что Лешка уже совсем не Лешка... Кладу рядом с ним коробку эту в бумаге оберточной и, испуганный, спрашиваю: «Лех, ты че реवेशь, ты же пацан?!» А он давай реветь еще больше. «Уйди, – говорит, – уйди! И никому не рассказывай». – «Конечно, не расскажу, мы же друзья, – отвечаю. – Помнишь, ты хотел конструктор? Робота? Я тебе принес. С днем рождения». Он резко успокоился, смотрит на эту коробку, берет и рвет бумагу, которая аж влажной стала от его слез. «Точно, робот! Спасибо, Сань. Может, вечером придешь, соберем вместе? Если я дома буду, конечно». – «А где ты можешь быть, как не дома?» – спрашиваю...

Друг резко прерывает повествование и поднимает на меня глаза. Конечно, я догадываюсь, в чем дело, но лишь киваю, подталкиваю его на продолжение.

– «В больнице, – говорит Лешка. – У меня мама болеет». Мне десять лет, Ви, я понятия не имею, что такое рак, в СССР по телевизору о таком не говорили. «Так бы сразу и сказал. А когда выписывают?» – спрашиваю я. «Никогда, она скоро там умрет» – отвечает Леха, все рукава уже в соплях, я ничего не понимаю, бабка его в коридоре кричит, что пора... «Как умрет?» – только и могу спросить. А он мне: «Так. У нее рак». А я давай ржать, Ви... Ты представляешь? Смеюсь, говорю: «Какой рак, ты чего, такого не существует». Он выбежал из комнаты и во двор умчался. А мы с отцом ушли. Я еще долго не мог понять, что такого сказал, почему он так разозлился, я же ему работа подарил, а он, неблагодарный, убежал! Ужас, как стыдно-то...

Я смотрю на Сашу и не могу поверить, что этот глупый мальчик из его рассказа – это он.

– А... дальше? Ты с ним сейчас общаешься?

Саша смотрит куда-то в стену и раз двадцать отрицательно мотает головой.

– Я его с того раза не видел. Они с бабушкой продали квартиру и уехали из Подмосковья куда-то в Краснодар, где теплее. Искал его в соцсетях, когда только появились, – тщетно.

– Может быть, вместе поищем? Сейчас столько возмож-

ностей, только...

– Нет, Ви, не. Не-а. – Саша поджимает губы и запивает свой рассказ уже остывшим американо. – Умер Лешка. В одиннадцатом году. Подрался с кем-то, такой он вырос, неуправляемый. Представляешь, бабушка его еще жива. Со званивался с ней, она и рассказала. – Я смотрю на смеющихся людей за столиками вокруг, и к горлу начинает подкатывать тошнота. Я отказываюсь верить в эту жуткую историю, в это киношное стечение обстоятельств, в это... – Поэтому я и стал онкологом. Врачом я еще с детства хотел стать, не могу объяснить, почему. А вот специальность выбрал, чтобы судьба таких вот Лешек была не трагичной, а... нормальной. Этого же никому не пожелаешь, особенно в десять лет!

– Да, да... – соглашаюсь я.

– Ну, ты понимаешь.

Я снова соглашаюсь, не совсем уяснив себе значение этой ремарки.

Немного расстраиваюсь, оттого что до сих пор не знаю, кем хочу быть, ведь у меня нет ни истории, способной вдохновить на выбор профессии, ни таланта. Чувствую себя мерзкой, липкой и грязной, но не от жары, а от чувства зависти к человеку, с детства знающему свое призвание.

– Спасибо, что поделился. Правда.

– Да, ничего. – Саша улыбается, снова надев маску весельчака. – Как там твое решение? Ты все еще хочешь претво-

ритель в жизнь свой идиотский план?

– Саша! Он гениальный! Обидно. И вообще, ты помнишь, что за тобой должок?

Глаза парня округляются, он заподозрил неладное.

– Нет, нет, нет, и еще раз – нет!

– Хочешь сказать, твои обещания гроша поломанного не стоят?

– Ломаного. Ломаного гроша.

Я хмурю брови и театрально закатываю глаза.

– Ладно. Давай ты мне опишешь весь свой план, а я постараюсь сгладить неровности.

– Я согласна. Итак. – Прокашливаюсь, потому что на самом деле не готова давать какие-то ответы после истории друга. – В своем выпускном классе в школе для одаренных детей, как самая не одаренная, я буду обычной немой студенткой из Англии.

– Ученицей. Студенты учатся в вузах.

Я начинаю закипать, но Саша вовремя сдается.

– Я буду усердно готовиться к экзаменам, к которым никогда не готовилась, буду посещать факультативные занятия, ничего не будет меня отвлекать... От тебя потребуются только несколько заверенных справок, отвозить меня каждый день в школу и... поддержка, конечно.

– Ладно, – бросает друг, пристально меня осмотрев, и возвращается к своему напитку.

– Ну, пожалуйста!.. Подожди, что? Ты согласен?

– Да, согласен.

– В чем подвох? Кто ты и что ты сделал с Александром? Саша расплывается в улыбке, как Чеширский Кот.

– Вивиан. Ты – единственный человек, который меня понимает. Я не могу стать для тебя еще одним человеком, которому все равно. До тебя я никому не рассказывал историю о Леше, потому что никому нет до этого дела. Никто никогда не спрашивал, почему я решил стать врачом. Я не смогу нормально спать по ночам, зная, что ты ходишь в школу как на пытку. Признаю, что Паша и Ливи не идеальные родители, зачастую они не разбираются в ситуации, как это было год назад, и делают поспешные выводы. Они тебя любят, но твоя успеваемость для них важнее, чем внутреннее состояние. Да и я хорош, ударился в работу и эту Америку, я ж раньше никогда там не был! Про твою учебу я вообще не думал, учишься и учишься, а как тебе это дается... Поэтому сейчас я сделаю все так, как нужно, если ты обещаешь хорошо учиться и все мне рассказывать!

Я не верю своему счастью. Вот он – человек, на которого я могу положиться, пособник моей большой толстой лжи, мой брат и опора.

– Спасибо, Саш. Спасибо.

– О нет-нет, только не плачь!

– Я и не плачу, – отвечаю, промокая глаза салфеткой с логотипом кафе. – Хочу сказать, что я всегда выслушаю тебя и дам совет, знай это. Вот.

– Да я знаю. Лучше посмотри, какую я тебе справку соорудил. Это из Англии, от моего знакомого. Он лор и сурдолог. Ни в какую не хотел выписывать, но и за ним один должок водился. Только я имя твое еще не поставил, так бы он обо всем догадался. Сделаем перевод, заверим его, и все – готово, – Саша показывает на экране телефона файл со справкой. Выглядит она убедительно. – Слушай, Ви...

– Да?

– Тебе правда так будет лучше? А что, если ты захочешь завести друзей?

– Так будет лучше. Не захочу. Мне никто не нужен. Я еду туда учиться и, возможно, понять, кто я и кем хочу быть. А еще было бы неплохо наладить свой сон.

– Хорошо. И про сон идея отличная.

Киваю и решаюсь пока не говорить про свой ночной паралич.

– Ну что? Готов увидеть Краков?

– Yes, ma'am! (Да, мэм!)

Встаю с кресла и крепко обнимаю брата. Верю, что это нужно нам обоим.

Глава 3

Королевский запад

—*I'm so scared, Vi. What are we going to do?*

—*It's going to be alright! Just hold on a little longer. Hold on!*

You know you are strong, don't you?

—*I'm in so much pain! I can't take it anymore. Vi! Vi!*

(—*Мне так страшно, Ви! Что мы будем делать?*

—*Все будет хорошо. Держись еще немного. Держись!*

Ты знаешь, что сильная, да?

—*Но мне так больно! Я больше не могу! Ви! Ви!*)

Просыпаюсь в холодном поту и не могу вспомнить, что только что видела во сне. Пять утра. Через час поезд до Гданьска. Бабушка и дедушка решают не ехать со мной благодаря убедительным речам Саши. Думаю, что в дорогу нам соберут лучшие изыски бабушкиной домашней кухни. Шесть часов в поезде, а потом еще четыре часа в автобусе. Как остановить поток мыслей?

На завтрак – ажурные бабушкины блины, которые я про-

шу завернуть с собой. Моя жизнь поменяется уже через десять часов, и всего на десять минут, а потом снова потечет как обычно. Я не голодна.

Саша пребывает в состоянии эйфории, за свои тридцать два года он путешествовал намного меньше меня. Конечно, он же спасал жизни. А я за свои семнадцать лет увидела очень много, но никогда никому не помогала.

Дедушка дает в дорогу тысячу напутствий и обещает приехать в сентябре, как только подаст заявку на электронную визу. Я уже предлагала свою помощь, но grandparents любят всегда делать все сами. Как жаль, что в русском языке нет одного слова для бабушки с дедушкой. Верно говорят, что никому не подвластно объять все. А мне бы хотелось объять хоть что-то.

В поезде мы дурачимся и смотрим какие-то глупые видеообзоры на YouTube. Через пару часов Саша отдается во власть своего любимого синтирока. Я не могу сомкнуть глаз, боясь, что сонный паралич настигнет меня вот так – в вагоне скорого поезда. Где-то сзади с хозяевами едут две собаки и периодически лают. Даю себе обещание завести собаку, когда покончу с переездами.

Гданьск встречает нас серостью и мелким дождем – прямо как родной, но такой далекий Лондон. Думаю о том, что было бы интересно соединить все точки мест моих последних путешествий на карте и посмотреть, что за фигура получится. Скорее всего, это будет клубок – такой же запутанный,

как и я сама.

– Ой, я так хорошо поспал! Ты вот совсем глаз не сомкнула. Ночью тоже?

– Не, ночью я спала, – отвечаю я и даже совсем не обманываю, ведь я спала, хоть два часа, но спала. До автобуса остается час, но мы все равно спешим на автовокзал.

– Лучше прийти немного раньше, чем опоздать. Видала, какой я тебя тут мудрости учу? Чтобы потом не говорила, что я не мудрый.

Улыбаюсь, потому что знаю, что лучшего спутника мне не найти.

– Что ты хочешь сделать первым делом? У нас еще целых две недели!

Колеса Сашиного чемодана успокаивающе стучат по брусчатке.

– У кого две, а у кого одна! Я и так пять дней в Польше отдыхал, не помню, когда у меня был такой длинный отпуск. Конечно же, посмотреть Балтийское море, всякие исторические штуки. Прочитал, что там много военных фортов и разрушенных замков. Красота! А ты?

А я согласилась и посчитала этот список дел самым разумным.

В моем паспорте поселилось еще несколько печатей о прохождении границы. Быстро пролистываю все страницы и вижу, как многочисленные штампы и наклейки оживают. Только они не превращаются в яркий мультфильм, а лишь в на-

спех разукрашенную трехлетним ребенком цветными мелками черно-белую картинку.

Балтийское море оказывается именно таким, как я его представляла. По ощущениям и резким порывам ветра, появляющимся из ниоткуда, его побережье напоминает мне побережье Ла-Манша. Знаете это странное покалывание по телу, возникающее в те моменты, когда ты чувствуешь, что уже видел что-то подобное, что оно очень тебе знакомо, но все же нет – это что-то совершенно иное, что-то новое, то, что ты уже открыл, но еще не изведal? Так и у меня с Балтикой.

Это тот редкий случай, когда в поездку мы выбираемся всей семьей. Родители в каждой стране покупают новую машину на деньги с продажи прежней, поэтому с транспортом у нас проблем нет. А еще у нас нет проблем с моей отправкой в школу: родительская лаборатория находится совсем недалеко от арендованного нами дома, их согласились забирать по утрам другие ученые. Это значит, что в школу, находящуюся почти на границе с Литвой, без лишних треволнений меня может отвозить Саша. Win-win³.

Городов на побережье Балтийского моря в области действительно много, и мне сразу же хочется побывать в каждом. Светлогорск (Раушен), Зеленоградск (Кранц), Пионерский (Нойкурен), поселок Отрадное (Георгенсвальде), Куршская коса... Только подумать! Величественные прус-

³ беспроигрышный вариант.

ские курорты, а ныне тихие обитатели хранителей стихии. Как было бы чудесно сесть в поезд и отправиться в настоящее странствие в простой будний день!

Ах да, я же обещала Саше больше не прогуливать и серьезно взяться за учебу. Обещания надо держать. К сожалению.

Мы едем к морю в теплый субботний день, но очень скоро жалеем. Из-за людей я не могу увидеть и полуметра незанятого песка. Картина отдыхающих на пляже бывшего Кранца напоминает «Битву под Оршей» неизвестного художника, репродукцию которой так любит мой дедушка. Спасибо пожилой супружеской паре, которая останавливается от выкриков на шустром английском моей недоумевающей мамы и советует нам отправиться на Куршскую косу, так как сейчас людей там нет. Папа радушно благодарит пару и, даже не оборачиваясь на этот кошмар, следует к машине.

По дороге мне хочется узнать у папы, как он приспосабливается к правилам дорожного движения в разных странах, но я молчу. Входящее сообщение. Саша, а кто же еще?

«Ты чего такая? Совсем не рада семейной вылазке?»

«Я рада! Ты что, не видишь? Посмотри на мое счастливое лицо».

Поворачиваюсь к другу и корчу довольную рожу. Мы смеемся, и папу это задевает.

– Над чем это вы там хохочете?

– Ви просто радуется такому приятному дню! Да, Ви?

– Да! – охотно соглашаюсь я, чтобы пресечь на корню возможные вопросы.

Горячий песок ласково обнимает ступни, и я принимаю его игру. Желтый лак на ногтях то исчезает под неровными зыбкими волнами, то появляется снова. Солнце начинает сильно припекать, и я повязываю толстовку на голову. Где-то среди пожухлых от жары зеленых кустов показался рыжий хвостик. Я надеюсь, что это лиса, а не дикий кабан. достаю из кармана шорт телефон и фотографирую дюны так, чтобы неба было совсем не видно – его заменяет синеющее вдаль море. Как обычно, не редактирую фото и загружаю его в Instagram с одним лишь смайликом-волной в описании. Резко меняю свое решение и добавляю подпись: I'm glad I can hear the sea talking («Я рада, что могу слышать разговор моря»).

Вижу, как Саша делает селфи на фоне дюн, и подбегаю, чтобы испортить ему кадр. К нам присоединяются родители, и я начинаю чувствовать себя намного лучше – это наша первая общая фотография за много лет.

В месте с волшебным названием «Танцующий лес» тихо и умиротворенно. На верхушках скрюченных тоненьких несчастных деревьев не поют птицы, только вдалеке слышится смех таких же туристов, как и мы. Отчего эти сосны корчатся в конвульсиях и обречены на вечные страдания? Я вижу между нами ряд сходств, но обещаю себе, что не буду страдать и вечно страдать не буду тоже. Между кажущимися

ся сплетенными стволами я замечаю похожую на себя фигуру среднего роста, тоненькую, в таких же джинсовых шортах с повязанной на плечах толстовкой.

– Ты знала, что, по легендам, здесь был шабаш ведьм? А теперь этот лес – портал в другие эпохи. Очуметь! – поворачиваю голову и вижу Сашу, читающего одновременно Википедию и какой-то самодельный сайт в двух окошках на экране. – А ты чего тут застыла?

Хочу показать ему странную девушку, но ее, конечно, и след простыл.

В сам Калининград мы ездим почти каждый день – покупаем вещи для дома (необходимый минимум), оформляем документы. Атмосфера в городе мне нравится, он не похож ни на одно из моих прошлых мест жительства, одинаково спокойный и сумбурный. Оксюморон. В этом я везунчик – все мои прежние «дома» не успевали мне надоест за период длиною всего в год. И Калининград, я уверена, не успеет мне надоест. Ведь я живу в каком-то коттеджном поселке и буду видеть город крайне редко.

Я не люблю города ночью. Везде, где я жила, улицы по ночам оживают даже больше, чем днем. Учреждения и магазины закрываются, но город продолжает жить в своем магнетическом шальном ритме, стирая день со всей его шаблонной бутафорской обыденностью.

В Калининграде все не так. Этот город с относительно небольшим центром ночью кажется вымершим и заброшен-

ным. Здесь нет громких доброжелательных компаний, которые просто собрались для веселого времяпрепровождения. Здесь нет людей. Они все спят. В своих домах.

– Это была очень плохая идея, Саш!

– Да ладно тебе, Ви! Зато смотри, какой собор красивый.

Почти что призрачный. Пойдем, поздороваемся с Кантом.

В Рыбной деревне – уютном квартале, построенном на променаде реки Преголь в типично прусском стиле, – ни души. Чтобы вы понимали, времени – два часа ночи. Белых ночей здесь не бывает, поэтому мы сначала чувствуем себя некомфортно на освещенной слабыми фонарями мистической улице. Мы обоюдно решаем дойти до Кафедрального собора, а там подняться с острова на главный проспект и посмотреть на руины Королевского замка. Впереди нас возникает шумная группа молодых людей. «Только не это», – думаю я и хватаю Сашу за рукав джинсовки. Хохот становится громче, люди подбираются ближе...

– О! Ребят, вы не видели тут коробку? – спрашивает нас один из них – тощий парень в клетчатой рубашке. Я вспоминаю, что действительно обратила внимание на одинокую коробку, стоящую в арочном проходе между домами. Смотрю на Сашу.

– Ви, ты не видела? Я не видел.

Раздосадованно вздыхаю – мне придется ответить.

– Я видела коробку, да. Дальше, в паре домов отсюда. Там такая арка...

Ребята искренне радуются, благодарят нас и двигаются вперед.

– Туристы! – слышу я из-за спины.

– Наверное, это какой-то квест, Ви. Интересная задумка, да? Ви?..

Руины замка хорошо освещены и по периметру окружены невысокой кованой оградой. Но люди и туда умудрились накидать мусор. Подумать только, на том месте, где сейчас стою я, когда-то был второй этаж настоящего замка! Да, многое меняется с бурным течением времени. Пройдут века, и никто никогда не узнает о том, что Вивиан Ковальчик стояла здесь в теплую августовскую ночь и по-детски радовалась возможности официально прогуливать сон. Можно подумать, я бы заснула.

Возможно, сотни лет назад на этом самом месте стояла такая же потерянная душа, которой, ввиду рокового стечения обстоятельств, пришлось встать на путь чудовищнейшей лжи. А может, и нет. Надо же, в самом деле, искать себе оправдание. Это решение не далось мне легко.

После войны Королевский замок восстанавливать не стали: в шестидесятых его снесли, а чуть поодаль построили величественное коробочное сооружение, до сих пор гордо носящее имя Дома Советов.

Дом Советов – недостроенный советский робот, смотрящий на меня своими пустыми мрачными разбитыми глазами, якобы ища понимания. Он выглядит так же чуждо

и отстраненно, как я, поэтому я улыбаюсь собрату по несчастью. Все судят его за нелепый внешний вид, за несоответствие имени. Он такой же Дом Советов, как и я – Вивиан Ковальчик. Простой заброшенный недострой. Простая брошенная я.

Идем вдоль по Ленинскому проспекту – главной улице города. Перед чемпионатом мира по футболу здесь отреставрировали много зданий, и я действительно чувствую себя в Европе. Я хватаюсь за Сашу и ускоряю шаг. Людей на улице чрезвычайно мало, и это начинает пугать. Машину мы оставили на парковке около торгового центра «Европа». Забавно, тут я тоже могу быть «в Европе».

В небольшой круглосуточной кофейне нет никого, кроме двух работников. Я заказываю латте и парочку макарун, а Саша – ромашковый чай с протеиновым батончиком. Становится ясно, кто собирается спать, а кто нет.

– Ты, кажется, хотела наладить режим сна?

– После такой насыщенной ночи? No way! (Ни за что!)

Спасибо за экскурсию.

– Май плэжа!⁴

– Готов вернуться на работу?

Саша радостно кивает. Вот это человек любит свое поприще!

– Давно бы вернулся, устал уже отдыхать. Вот выплещусь сегодня – и послезавтра на работу. Видите ли, они дали мне

⁴ (My pleasure!) С удовольствием!

еще недельку! Невиданная щедрость. А ты, Ви? Готова?

Перевожу взгляд на парня и девушку за стойкой. Интересно, им так же, как и мне, претит ночной сон или же они, как Саша, мечтают поскорее заснуть?

– Ты бы лучше выпил эспрессо! Тебе еще машину вести.

– Я превосходный водитель. С закрытыми глазами могу... Да не пугайся ты так, это шутка! Ты отвечать собираешься?

Надеялась, что не заметит.

– Не хочу я в школу, не хочу. Вчера прислали форму с курьером. Я еще не открывала.

– С таким настроем не то что в школу!.. Ты же мне обещала. Нормальное настроение в обмен на справку, Вивиан. Я даже хорошего настроения от тебя не прошу!

– Я исправлюсь. Правда. Вот в понедельник у нас занятий не будет, будет открытие учебного года. Запустишь меня, как рыбку в аквариум, и все. Справлюсь!

– Ну, смотри у меня.

В ночном городе много плюсов. Один из них – отсутствие пробок. За полтора часа мы добираемся до дома, но в пред-рассветное время спать мне не хочется еще больше. Сонный паралич не боится ни света, ни пения птиц. В арендованном нами доме три спальни, гостиная, кухня-столовая, две ванных комнаты, комната отдыха в подвале и гараж. Мебель внутри уже была, хоть и самая обычная, зато новая. Мне сначала показалось, что я попала в одну из инсталляций в Икеа. Подумать только, везти всю мебель из Польши! «Зато стиль-

но», – сказал папа. «Дешево и сердито», – сказала мама. «Какая разница, ведь через девять месяцев меня здесь не будет», – подумала, но не сказала я.

В моей комнате, изголовьем к окну, стоит средних размеров кровать с белым кованым основанием. Я переставила подушки и лежу теперь не ногами к двери, а головой, чтобы видеть кусочек заднего двора, забор и соседскую крышу. По левую сторону от кровати стоят белый письменный столик с табуретом и книжный стеллаж. В правом углу двухстворчатый шкаф – тоже белого цвета, а рядом привешена небольшая пробковая доска. Под ней примостился мой чемодан и две неразобранные коробки. На контрастирующем ламинате цвета венге лежит маленький коврик-пылесборник, тоже белый. Ах да, стены в комнате молочного цвета.

Почти весь дом выглядит так же: светлые стены и мебель – темный пол. Как быстро мне это надоест?

Знаю, что завтра родители примутся давать мне наставления, ведь скоро им будет совсем не до меня. Я примерю форму для маминого одобрения, покажу расписание, дам обещание не прогуливать. Скорее всего, она даже приготовит что-то изысканное на ужин. Опять спросит меня про экзамены – решила ли я, что делать дальше?

Да, я решила, мам. Я решила, что стану немой.

Глава 4

Первое впечатление

На мне белая выглаженная рубашка с черным бантом у шеи, синий, немного приталенный блейзер с логотипом школы, юбка клеш выше колена с тонкой белой линией внизу в тон пиджаку и любимые кеды. Я спускаюсь вниз, вижу мамино лицо – и без лишних вопросов меняю их на простые оксфорды, которые одаряют меня мозолями от одного только взгляда на них. У родителей сегодня важная встреча. К моему счастью.

Во время сборов в нашей с мамой общей ванной она учит меня пользоваться купленными недавно средствами для укладки. Она говорит, что я могу брать их когда захочу, спрашивать не стоит. Но я-то знаю, что она купила их специально для меня – у мамы прямые волосы, не поддающиеся даже завивке. Лицо озаряет глупая улыбка.

Мои волосы теперь не торчат во все стороны, потому что теперь я решила держать имидж ученицы элитной академии.

Смотрю на себя в зеркало и думаю о значении логотипа школы, традиционно состоящего из четырех частей: лук со стрелой, рогатый конь, открытая книга и детально вышитый нитками под серебро силуэт Кафедрального собора. У моей новой школы есть настоящий герб и пафосное название «Академия имени Иммануила Канта», именем которого в области называют все – от продуктовых магазинчиков до учебных заведений. Звучит претенциозно, будто гарантия качества. Не скажу, что мои прошлые школы имели лучшие названия, но это дает мне хоть какую-то надежду.

Родителей уже ждут подъехавшие к дому на черном БМВ знакомые – мать и отец оба мечутся по кухне и кидают то мне, то Саше напутствия-приказы на двух языках. Такие желанные звуки клаксона прерывают их театральный номер. Напоследок мама крепко меня обнимает и кладет в боковой карман моего портфеля термокружку с женьшеневым чаем. Сегодня же не должно быть занятий! В любом случае не повредит.

Погода не может не радовать двадцатиградусной солнечной, по-летнему теплой атмосферой. Все пойдет по плану, ничего не может испортить этот день, да и год тоже!

– Вот как тебе это удается, Ви? – Мы едем по трассе, я ловлю ветер ладонью в приоткрытом окне автомобиля.

– Что удается?

– Скрывать эмоции. Никогда не ясно, волнуешься ты или, наоборот, радуешься? Очень редко проскальзывает что-то.

Замок на куртке будешь по тридцать раз дергать, чехол от телефона ногтями мусолить... А лицо – ноль эмоций!

– Не знаю... Это врожденная суперспособность. Зато у тебя все всегда на лице написано, и это круто.

Включаю камеру и фотографирую свою руку в окне, прекрасное небо и зеркало заднего вида. Загружаю в профиль с подписью Day 1⁵.

Саша прав, я отлично сдерживаю эмоции на людях. Если бы он только знал, как внутри меня сейчас все сжимается.словно я один из тех вакуумных мешков, которые мы использовали для переезда. Внутри меня совсем нет воздуха, мне нечем дышать, мои органы обратились в тонкие смятые ткани. Я в шестой раз иду в новую школу, но в первый раз я буду лгать по-крупному.

– Теперь молчим, Ви. Если хочешь что-то сказать – пиши в чат.

Киваю.

Мы подъезжаем к огромным кованым воротам с двумя табличками по левую и правую стороны. Пафос этого заведения виден невооруженным взглядом уже на самом въезде на территорию: информация о школе написана на двух языках – русском и английском; левая часть ворот украшена большими витиеватыми прописными буквами «АК» (Академия Канта), правая же – «КА» (Kant Academy) – показывает серьезную направленность международной школы.

⁵ «День 1».

В сторожевой будке, больше похожей на небольшую готическую башню для среднестатистической сказочной принцессы, сидит охранник, коротко обратившийся к нам по громкой связи:

– Имя.

– Вивиан. – И зачем ты только сделал эту паузу? Саша? Саша! – Вивиан Ковальчик.

Сползаю вниз по сиденью настолько, насколько позволяет ремень безопасности. Я не хочу начинать свой первый день в школе, как героиня какого-то дешевого сериала!

Ворота открываются, а Принцесса так и остается томиться в башне. Наверное, какой-то лысый мужчина за сорок. Да, это мое представление об охранниках, немного клишированное, но какое есть.

Машина, наконец, заезжает на территорию: я вытягиваю голову из окна, как жираф, стараясь рассмотреть все и сразу. Позади и впереди нас медленно движутся еще несколько авто. Стриженные лужайки, фигурные кусты, скульптуры ангелков эпохи Возрождения на подъездной дорожке... Это место – квинтэссенция всех моих прошлых мест обучения. Не хватает только... Да ладно? Фонтан? Seriously?

Фонтан в Академии Канта отличается от фонтанов в моих прежних школах... масштабом. Он настолько большой, что я бы назвала его искусственным прудом или озером, но все же, окруженный высоким каменным бордюром, – это фонтан. Перекинутый от левого края до правого мостик

с фантазийной скамейкой кажется мне сначала прозрачным, но, приглядевшись, я понимаю, что он должен быть сделан из стекла или очень качественного пластика. «Фонтан Познания», «Мост Дружбы» – гласят таблички, выполненные в том же стиле, что и у ворот. Они чем-то напоминают мне средневековые вывески, подвешенные к фонарным столбам. Я думаю, что теперь меня точно ничем нельзя удивить, но еще через пару минут мы подъезжаем к главному зданию академии.

– Только случайно не вырази восхищение вслух, Ви.

«Я же умею сдерживать себя, ты забыл?» – показываю Саше всем своим видом. Но на фотографиях на сайте здание Академии не выглядело столь же величественно, как Шенбрунн. Со стороны оно кажется похожим на каменную крепость: массивная передняя часть с двумя башнями в романском стиле с конусообразными крышами на самом верху венчается мощным фронтоном с окнами-порталами, инкрустированными яркими витражами. От одного из выступов ниспадает отливающий будто бы настоящим серебром герб Академии, исполненный на бархатном полотне глубокого синего цвета. Первый и второй этажи, объединенные высокими арками, украшены сверху многочисленными аркадами. Сами арки богато отделаны лепниной и являются входами в главный корпус, левое и правое крыло. Единственная деталь, намекающая на то, что этот архитектурный шедевр – современная школа, это стеклянные входные двери.

По левую сторону от искусственного леса (а об этом я сужу по филигранно выставленным в ряд деревьям) находится небольшая, но плотно забитая парковка. На ней стоят три новеньких автобуса «Мерседес-Бенц»; из одного выгружаются ученики, которых привезли из жилого корпуса академии.

Я выхожу из машины и чувствую, что это первый раз, когда я хочу вслух восхититься чем-то, но не могу. Ладно, не страшно.

В школе должно учиться всего около ста пятидесяти человек, и это очень немного для учебного заведения в обычном понимании: слухи в таких местах разлетаются быстро, сплетни перерастают в неприятную ложь, покрывающую здание не смертоносным, но катастрофически вредным грибком. Но я же не буду той, кто разольет бутылочку с разрушительным ядом, верно?

Как и каждый раз за последние шесть лет, я тушуюсь и вхожу в небольшое оцепенение. Саша, как галантный шарегоне⁶, продевает свою руку в мою и ведет меня к крыльцу, кажущемуся мне лестницей к главному входу в Музей искусств Филадельфии. Неужели мои ночные кошмары превратились в жизнь? Я не могу совладать с собственными ногами. Давай, Ви, раз – шаг, два – шаг. Чего ты так боишься?

Фигура, приветствующая учеников около главного входа, оказывается все ближе. Светлые от природы волосы убраны в высокую прическу, из которой выбивается пара непо-

⁶ сопровождающий.

слушных локонов. Круглое лицо сердечком стало бы причиной зависти многих моих корейских одноклассниц. Точеные черты лица, аккуратная тоненькая фигурка. Черное платье с длиной чуть ниже колена, рукавом три четверти и немного открытыми плечами, лакированные туфли-лодочки в тон. Саша спотыкается почти у самого верха лестницы, но делает вид, что ничего не произошло. Поправляет очки и одергивает куртку, будто стоит перед зеркалом. Неужели это и правда случилось и Саше кто-то понравился? Я уже начала бояться, что не доживу до этого дня! Сжимаю руку друга сильнее, чтобы привести его в чувство.

– Добро пожаловать в Академию Канта! Вивиан, верно? Меня зовут Анастасия Дмитриевна, я – завуч. Запомни меня, если будут какие-то проблемы – смело обращайся. В этом году у нас много пятиклассников, пара новеньких в седьмом и девятом классах, но в выпускном классе – ты одна. Поэтому я буду твоим куратором.

Ну конечно, Вивиан, и здесь ты – одна. Многозначительные взгляды, легкая улыбка моего куратора, которая вблизи кажется еще милее... Ей не может быть больше тридцати! Понятно, чего Саша язык проглотил. Такая девушка не может не понравиться. Толкаю его в бок: кто-то же должен нарушить это неловкое молчание. Смотрю на Анастасию Дмитриевну, которой, на первый взгляд, ее имя тоже не очень подходит. Мимо нас в открытые стеклянные двери проходят десятки учеников, а я чувствую себя настоящей статуей-горгу-

льей.

– Здравствуйте! Я – Александр, друг семьи. Нам говорили, что старшеклассникам сопровождение родителей не нужно, но я тут, скорее всего, как моральная поддержка. – Улыбается. – Буду привозить Вивиан каждое утро в школу. Надеюсь, родители упомянули... о... – Саша заминается, и тут я вижу гримасу неуверенности – морщинки вокруг глаз, раскосая ухмылка. Он не хочет врать девушке, которая ему понравилась и к тому же которая тут совсем ни при чем. Я хочу освободить свою руку из его, но не могу, я в ступоре. Мне кажется, что все на нас смотрят, все знают, что вот-вот мы солжем в первый раз на этой земле, – ...о состоянии Вивиан?

Я резко выдыхаю, Саша одаряет мое имя вопросительной интонацией. Я решаюсь обернуться и посмотреть по сторонам – никому нет до нас дела.

– Здравствуйте, Анастасия Дмитриевна! – звучит со всех сторон.

– Пойдемте внутрь. Там нам будет удобнее говорить.

Я, наконец, отпускаю друга – пора, взяв волю в кулак в переносном смысле и сжав руки в кулаки в реальной жизни, переступить порог Академии. Свет внутри приятный, темный деревянный пол напоминает мне ламинат в моей новой комнате. Но все-таки это хорошее дерево. Вестибюль поражает контрастом стилей: на стенах кирпичная кладка в стиле лофт чередуется с деревянными плитами. Множество ниш

и аксессуаров в стенах, выполненных в стиле хайтек: зеркала-пазлы, светильники-трубы и картины с геометрическими рисунками. Одна из дальних стен сплошь покрыта пятнами краски всевозможных оттенков. Я никогда не видела ничего подобного – в школе.

Мы следуем за Анастасией Дмитриевной в ее кабинет, который располагается в конце этого дивного зачарованного коридора. Я вижу совершенно разные вещи по мере того, как продвигаюсь дальше: вшитый в стену аквариум, огромные экраны с расписанием занятий, интерактивные панели в полу для различных подвижных игр, указатели в виде тех же средневековых вывесок и гравюр и даже планшеты, на первый взгляд кажущиеся обычным картоном. С потолка свисают простые лампочки, чередующиеся с точечными светильниками. Слева и справа находятся две массивные деревянные лестницы с поручнями из старых металлических труб. Около стеклянных дверей стоят напольные вешалки в виде фламинго со множеством голов и осьминогов со множеством щупалец. Я не могу понять, как в этом здании в такой гармонии могут уживаться настолько разные вещи. Неужели это то место, которому я смогу принадлежать?.. Дети в коридоре хохочут и обнимаются после долгой разлуки. Для кого-то эта школа уже дом.

Мы доходим до кабинета завуча, а всего в нескольких метрах от него, на противоположной от входа стороне я вижу вход во внутренний двор. Широкие стеклянные двери от-

крыты, сквозь них до меня долетает мягкий приятный ветерок и доходят преломленные стеклом согревающие солнечные лучи. Мне жутко хочется посмотреть, что же там, в сердце крепости, но Анастасия Дмитриевна жестом приглашает нас войти в свой кабинет. Прозрачный пластиковый стол, такие же стулья с мягкими подушками, массивные деревянные стеллажи, стены выкрашены в нежно-персиковый цвет, панорамное окно во внутренний двор – этот кабинет кажется настоящим олицетворением внутреннего мира милого завуча. Так мне хочется думать.

– Присаживайтесь, пожалуйста. Из переработанного пластика. Мебель, я имею в виду. У нас такой много в школе, отлично смотрится и сберегает природу! Простите за лирическое отступление. Вижу, Вивиан все смотрит на улицу. Коротко обсудим пару моментов – и побежишь на разведку! – Анастасия Дмитриевна наконец перестает мельтешить перед окном и садится на стул. – О чем вы начали говорить на улице, Александр?

– А... О состоянии Вивиан. Я не уверен, успели ли родители прислать документы. Вот справка с переводом.

Этот несчастный пластиковый стул с необычайно мягкой подушкой кажется мне электрическим. Вот-вот он включится и поджарит меня, как самую отъявленную преступницу.

– О... – На лице завуча поселяется жалостливая мина. Рука подпирает подбородок – она явно не была готова к такому повороту событий. – Мы, должно быть, упустили этот мо-

мент. Но все хорошо! Это никак не повлияет на обучение, Вивиан, не волнуйся. Все задания ты будешь сдавать в письменном виде. Я правильно понимаю, ты все слышишь, но не можешь говорить?

Я киваю. Успокойся, Ви. Тебе нужно солгать всего пару раз, а дальше это даже не будет ложью. Это уже будет действительностью.

– У нас в школе нет ребят с такой особенностью, но, я думаю, проблем в общении не возникнет. Сейчас ведь все в основном через интернет. С вашего позволения, я прикреплю справку к личному делу Вивиан.

– Да, конечно.

– Твои родители – ученые, верно, Вивиан?

Снова киваю.

– Да, фармацевты. Разрабатывают лекарства. Я их коллега.

– Все понятно. Вы делаете важную работу!

Саша мгновенно краснеет. Уф. Завуч достает что-то из деревянной тумбочки справа от стола.

– А теперь о том, что касается учебного процесса. Это твой планшет. В твой профиль уже выполнен вход. Это такой аналог дневников, не отвлекающий от учебы. Ты можешь забыть дома телефон, Вивиан, но планшет ты забыть дома не можешь! Все домашние задания ты будешь загружать сюда, все оценки учителей сразу же будут появляться в твоём профиле. Кроме того, в разных вкладках здесь находятся

расписание, информация о заменах, меню в кафетерии, по которому ты можешь заказывать еду, новости общественной и культурной жизни, а также чат для учеников и учителей. Если тебе что-то непонятно по какому-то из предметов, ты можешь узнать это из первых рук в режиме онлайн. Прости, только кажется, что информации много, на самом деле это очень удобная штука, хотя лично я предпочитаю бумажные носители. Но что поделаться?

– Двадцать первый век.

– Двадцать первый век, именно!

Я включаю планшет, и незнакомая мне операционная система просит установить пароль дактилоскопическим датчиком. Без проблем. Интерфейс системы и правда понятен даже первокласснику, будь он здесь. Дневник, расписание, новости, чат, питание, задания, факультативы, настройки – вот и все вкладки, расположенные на голубом фоне с гербом Академии.

– Занятия начинаются с завтрашнего дня, сегодня у нас подготовлен небольшой концерт с банкетом. Располагайся, Вивиан, и удачи, – Анастасия Дмитриевна ласково смотрит на меня, резко отрывает от блока с разноцветными бумажками одну, что-то пишет и протягивает мне. – Это мой номер. Забей его в телефон. Если вдруг что, пиши мне сразу, где тебе удобнее – Viber, Telegram, WhatsApp.

Поджимаю губы и киваю. У меня на телефоне нет ни одного из этих приложений. Быстро забиваю номер в контакты

и засовываю бумажку в карман.

– Тук-тук, Анастасия Дмитриевна! Я пришла!

Поворачиваю голову направо и вижу перед собой девушку примерно моего возраста. У нее красивая фигура, но лицо круглое, румяное, с ярко выделяющимися ямочками. Одета она в форменную рубашку с коротким рукавом, но без блейзера; юбка укорочена, туфли на небольшом каблуке-трапеции с ремешками на щиколотках. Русые мелированные волосы до плеч завиты рваными локонами на одну сторону так, что она выглядит одновременно стильно, дерзко и мило. Зачет. Кажется, так говорят.

– Вивиан, это Анджела. Анджела покажет тебе Академию.

Анастасия Дмитриевна встает и продвигается к выходу. Я следую ее примеру и одновременно засовываю в карман Сашиной куртки бумажку с телефоном завуча – видела, как он до этого сверлил взглядом и ее, и бумажку.

В вестибюле еще больше людей, чем прежде. Завуч мило улыбается, ради налаживания контакта нежно сжимает мое плечо, прощается с Сашей и просит Анджелу «на пару слов».

Я открываю в телефоне заметки с заранее увеличенным шрифтом и пишу свою первую лже-реплику: «Подождешь? Я не хочу на официальную часть».

– А, подкупаешь меня? – показывает желтую бумажку, зажатую в кулаке. – Сейчас пол-девятого, мне сказали приехать максимум к одиннадцати. Если это все не затянется... Посижу тут до десяти. Окей?

Киваю, куда мне деваться.

– Вивиан? – Резко поворачиваюсь на такое странное звучание своего имени. Оно звучит так чуждо, так дико. – Я так понимаю, ты общаешься через телефон? Отлично, если будут какие-то вопросы, пиши! Если ты не против, вернемся в начало коридора? У меня есть пунктик. Перфекционист, что тут скажешь, – Анджела говорит быстро и очень резко, словно каждое предложение – сложнейшая скороговорка. На последней фразе она понимает, что наговорила лишнего. – Извини.

Быстро печатаю: «Все в порядке». Пока мы снова движемся ко входу в корпус, Анджела то и дело останавливает пятиклассников просьбой в приказном тоне: «В Академии не бегать!» и начинает свой, словно бы записанный на магнитолфонную кассету монолог:

– Ты еще долго будешь это подмечать: у меня мания контроля! И я этого не скрываю. Считаю, что это поможет мне в будущем добиться успехов в карьере. Сейчас я – староста выпускного класса и президент школьного совета. С любыми вопросами можешь обращаться ко мне! Не знаю, как со всем этим я успеваю заниматься общественной жизнью в школе, у нас с каждым дополнительным занятием связана целая академическая сфера! Но об этом чуть позже. Сейчас тебе нужно добавиться в наш чат ВКонтакте.

«Меня нет ВКонтакте» – пишу в заметке и тыкаю Анджеле чуть ли не в лицо. Помню, как папа с Сашей агитирова-

ли меня зарегистрироваться в этой социальной сети, но мне хватает и профиля на Facebook, где я не общаюсь со всеми моими шестью друзьями.

– Я говорила ребятам, что нам нужно держать статус международной школы, но ради удобства всех приходится подстраиваться. Тогда сегодня дома создай страничку, а завтра я тебя добавлю в друзья. – (Кто-то добавит меня в друзья?) – Ты ведь из Англии, да? Так интересно! Я слышала, что ты много переезжала, чуть ли не каждый год школы меняла. Это, наверное, одновременно тяжело и восхитительно! Расскажешь мне потом об этом в интернете.

Ну, можно начинать! Буду говорить быстро: если хочешь, записывай на диктофон, а если память хорошая, то запоминай. На первом этаже располагаются самые важные кабинеты в Академии, это значит – не учебные классы! В принципе все данные находятся на указателях. Например, сразу около входа видишь кабинет, похожий на тюремную камеру? Почти так и есть. Это кабинет оператора видеонаблюдения. Наш второй охранник после принцессы в замке. – Я улыбнулась, и Анджела ответила мне тем же. – Ты уже его видела, да? В общем, оператор увидит каждого, кто решил смыться с уроков или вытворить что-то из рук вон. Это святая святых. А за тем поворотом двери нет, там выход в правое крыло, как и с другой стороны. Туда и пойдем.

Я следую за Анджелой и в который раз поражаюсь масштабам этой школы. За коридором с газетами вместо обоев

и плиточным полом располагается большой холл с лестницей на верхний этаж и шкафчиками для учеников.

– Твой шкафчик вот этот. Можешь украсить, если пожелаешь. Я не смотрела твой пароль, он в этом конвертике.

Девушка протягивает мне конверт, который почему-то не дала мне завуч. Возможно, эти заботы лежат на старосте. 2319. Мой код. Ввожу его на небольшой сенсорной панели, и шкафчик открывается.

– Шкафчики у каждого достаточно высокие и вместительные, поэтому у нас нет штатного гардероба, верхнюю одежду вешаем на крючок внутри. Так, времени в обрез, пошли дальше. – Из-за мании контроля Анджелы мы возвращаемся обратно тем же путем, что и пришли. – Это кладовка, там, слева, вход в бассейн, но туда обязательно ходить только тем, кто записан на занятия. Справа, за той дверью с расписанием – кафетерий. Но в хорошую погоду мы всегда идем кушать на улицу, а это довольно часто. Еще одна кладовка для спортивного инвентаря... С левой стороны расположены шкафчики классов средней школы, там же, в шумоизоляционном отсеке – кабинет директора. Да, он не выносит шума. Представляешь? Директор школы! В общем, тут такой хаос с кабинетами, что первое время будешь теряться в день по сто раз! Ну что, наверх?

Широкие холлы, напоминающие балльные залы, сменяются более узкими и уютными коридорчиками в разных стилях, светильники разнятся в каждом из них: то это настоя-

щие канделябры, то китайские фонарики... В одном коридоре на стенах нарисован Калининград – граффити, выполненное выпускниками прошлого года в подарок школе.

Я не поспеваю за ходом мыслей Анджелы, но мне скорее хочется увидеть, что же такого интересного происходит на заднем дворе и почему все сейчас там, поэтому я киваю на каждое ее предложение. Уже девять часов утра.

Актовый зал, спортивный зал, компьютерные классы, медицинский кабинет, кабинет для занятий музыкой, танцевальный зал, кухня, ателье, комната отдыха, зал тишины, зал для занятий йогой... В моей голове все мешается в непрезентабельного вида субстанцию. «Прекрати, Анджела!» – думаю я. А на деле киваю, как заведенная игрушка-болванчик.

В пятнадцать минут десятого мы, наконец, спускаемся вниз и продвигаемся к выходу на задний двор. Солнце ослепляет меня, но скоро мы заходим в тень. Вдали от одного дерева к другому натянут развевающийся на ветру с характерным звуком плакат: «С Днем знаний! 2019–2020». На уже знакомых мне хаотично расставленных пластиковых столах стоят разнообразные яства и напитки. Школьники помладше лакомятся сладостями в группах по пять-шесть человек, ребята постарше налегают на фрукты, овощи и канапе. Взрослых здесь совсем немного, только родители пятиклассников и учителя. Мне становится неловко: двести человек, пусть и на огромном заднем дворе, но для меня это ужасно много. Вижу знакомую взъерошенную шевелюру: Саша уплетает

какие-то круассаны за обе щеки.

– А сейчас – краткий экскурс в историю. Блин, кажется, директор уже выступил с речью. А нет, еще нет. Короче, школе нашей всего пять лет, выпуск был один. Мы с ребятами знаем друг друга с седьмого класса. И я не совру, если скажу, что мы стали одной семьей. Да, ссоримся, конечно, с кем не бывает, есть и противные личности. Особенно если брать нынешний десятый класс, постоянно ставят нам палки в колеса! У нас в классе пятнадцать человек, с тобой – теперь шестнадцать. По именам всех называть не буду, все равно пока не запомнишь. В нашем одиннадцатом есть свои стервы. В каждом коллективе они есть. Марта наполовину немка, но постоянно заваливает тесты по немецкому. Мы мало общаемся. Такую самооценку могут выдержать немногие. Подружка ее, Машенька, больше не Машенька, а Мари! Пф. Представительница старой русской аристократии. В голове – ноль, но она намного приземленнее и адекватнее Марты. И шьет она изумительно, все просят у нее эксклюзивный аутфит. Марта помолвлена с Давидом, да-да, не смотри так, уже как год. У него отец владеет крупным пищевым концерном в Польше, а у нее отец автомобильный магнат. Все по расчету, но эти двое пусть верят в чистую и до гроба. У Давида, он, кстати, чертовски красив, есть два друга – Артурчик и Бэкхем. Нет, его так на самом деле не зовут, он просто гений футбола. А Артурчик... Ах, Артурчик. Сама увидишь. А, вот они, наши! Пойдем? Вроде и директор

будет выступать.

Я смотрю туда, куда указывает мне одноклассница: на нескольких скамейках около дальних столов, ближе к импровизированной сцене над плакатом собралась компания ребят. Я не могу рассмотреть их лиц, только волосы.

«Мне ндо идти, я не могу осттсья» – в считанные секунды набираю я в заметке.

– Ну хотя бы послушай директора! Тогда до завтра, Вириан. Приятно познакомиться. Не забудь создать профиль. Удачи!

«Большое спасибо!» – пишу я, но Анджела так быстро читает и убегает, что я не понимаю, приняла она мою благодарность или нет. Спешу к затерянной в толпе копне волос, уплетающей уже профитроли.

– О! Ты не голодна? Будешь?

Отказываюсь и печатаю: «Уже можем идти, я все посмотрела».

– Так быстро? Давай хотя бы речь послушаем. А это что, твои одноклассники? – Саша кивает в сторону тех самых злосчастных скамеек.

Все взгляды устремлены на меня.

Черт.

– Не хочешь пойти и поздороваться? – Я с неприкрытой злобой смотрю на друга. – Понял, не дурак.

Красивая высокая рыжая девушка, красивая высокая девушка со стрижкой пикси, парень с оттопыренными ушами

(это, наверное, красавчик Давид), а у этого блондина такая улыбка! Блин, он смотрит на меня!

– Дорогие ученики, родители и коллеги! – на импровизированную сцену с опять же стильной пластмассовой кафедрой выходит хорошо сложенный мужчина средних лет в строгом темном костюме в тонкую полоску, его черные волосы с проседью зачесаны набок и тщательно уложены.

Я не слышу всей его речи, до меня доносятся только обрывки, ведь все это время я думаю, как некрасиво поступила по отношению к своим одноклассникам. Они точно меня видели, они, возможно, смотрят на невоспитанную новенькую прямо сейчас. Хотела не выделяться, Вивиан? Очень неплохо для первого дня.

– В этом году мы постараемся улучшить показатели... Благодаря чему... Мы расширим... Участники олимпиад... – Ну же, заканчивай свою речь! – А сейчас наши талантливые ученики прочитают стихи собственного сочинения, посвященные Дню знаний.

Я толкаю Сашу в бок, и он сдается, взяв напоследок кусочек бисквита.

Выбегаю из здания Академии так, словно совершила какое-то преступление. Ну да, так и есть. Фальсификация документов, ложь, хоть и во спасение. Кто этому поверит?

– Ну знаешь, Ви! В первый и последний раз ты так убегаешь от ответственности.

Садимся в машину, и я включаю озвучку написанного

текста: «Я забрала электронные документы, осмотрела корпус, послушала речь директора. Самодеятельность не входила в обязательную часть».

– Надо же, как мы заговорили! Вот выедем на трассу и... А, я лучше не буду с тобой говорить.

Достаю из кармана кружку, открываю клапан и глотаю еще обжигающий чай. Так тебе, Вивиан, за ложь и за трусость. Я пью жидкий огонь, чтобы еще больше разжечь пожар внутри.

– Я запаниковала, прости. Столько всего невозможно запомнить за один день! Этой Анджелы было слишком много. А потом она начала говорить про одноклассников и...

– Да ничего, Ви. Это и правда много для одного дня. И людей там было! Фу-ф! Толпа. Отдохни сегодня одна дома, наедине с собой, а вечером я дам тебе напутствия. Но что за школа, ты видела? Ты видела! Чума! Какой-то Хогвартс!

– Да уж, Хогвартс. А какой персонал, да? Ты заметил.

– Ох и вредина же ты! Ну, классная же у вас завуч, скажи? Не поспоришь. Я таких девушек давно не видел. И все на этом. Мы сосредоточены на исследованиях.

– Как скажешь. Как скажешь.

* * *

Захожу домой, и в мою ногу врезается робот-пылесос, любимая папина корейская игрушка. Выключаю его питание,

мне нужна тишина, а никак не странные шоркающие звуки.

В ванной расчесываю волосы так, чтобы они снова приобрели свой нормальный растрепанный вид. Надеваю любимую розовую фланелевую пижаму в клеточку и иду на кухню. Достая из морозильника шоколадное мороженое и большую ложку из ящика. Сажусь на стул, радуюсь, что он не пластмассовый, и выпускаю весь воздух из легких в протяжное громкое: «Ах».

Вот и все.

Мне отчаянно хочется задремать, но я боюсь в таком подвешенном состоянии навлечь на себя сонный паралич.

Включаю на ноутбуке YouTube и несколько часов подряд смотрю видео о кулинарии, путешествиях и советы бьюти-блогеров, которые я никогда не буду использовать. Когда мой живот отказывается воспринимать подтаявшее мороженое, пишу Саше, узнать, когда они поедут домой. Обещают быть максимум к восьми вечера.

Люблю спонтанные волны вдохновения. Включаю подборку из альбомов The Cure, чтобы готовить было не так скучно. Достая из морозильника стейки форели и размораживаю их в микроволновке. Кидаю на сковородку замороженные овощи и обжариваю их с таким энтузиазмом, будто я – сам Гордон Рамзи. Соус, специи... кладу стейки в духовку и быстро сооружаю салат из руколы, айсберга, помидоров и оливок.

Пока рыба запекается, захожу на непривычный мне рус-

скоязычный сайт. «Впервые ВКонтакте? Ваше имя». Вивинан. «Ваша фамилия». Ковальчик. «Дата рождения». 06. Февраль. 2002.

Что дальше? «Фото»? Нет, спасибо. С меня хватит. «Добавьте друзей, которых вы, возможно, знаете». Александр Веселов. «Поиск». Какой кошмар! Среди такого количества Александров Веселовых мне ни за что не отыскать Сашу.

За десять минут до восьми выкладываю овощи и салат на большие бирюзовые тарелки и смиренно жду семью.

В пятнадцать минут девятого входная дверь открывается. – Чем это так пахнет? С ума сойти! Мы что, наняли домработницу?

Впопыхах кладу на тарелки горячие стейки и, конечно же, обжигаю пальцы. Картина маслом: уставшие родители и Саша заходят на кухню, я в пижаме, словно только что проснулась, улыбаюсь и показываю на кухонный островок, который приспособила под обеденный стол. Так уютнее.

– Сегодня какой-то праздник? – спрашивает обескураженная мама.

– Да! В России сегодня – День знаний. Ну, и у вас на работе, можно сказать, начало. Прошу к столу!

Во время ужина говорим мало – у родителей нет слов, у меня тоже. Думаю, чем объяснить такой порыв: неужели я так заглаживаю вину? Ужас! А может быть, мне просто захотелось рыбы?

– Дочь! – начинает папа воодушевленно. – Без шуток, это

безумно вкусно! Молодец!

Мне приятно слышать похвалу отца.

– Не привыкайте особо. Это праздничный ужин.

– Конечно, мы и не думали, – гримасничает Саша.

– Как в школе? – наконец спрашивает мама – конечно же, по-английски.

– Все хорошо. Она очень современная и стильная. Мне выдали планшет для учебы. И староста у нас приятная.

– Надо будет как-нибудь съездить посмотреть в свободное время.

Киваю много раз, уверенная, что они не приедут.

Уставшие отец и Саша берут на себя заботы о грязной посуде, мама, так непохоже на себя, обнимает меня и желает спокойной ночи. Иду в свою комнату, укоряя себя за то, что не использую драгоценные часы сна по их непосредственному назначению. Мое ничегонеделание прерывает стук в дверь.

– Ты прости, я дам тебе наставления завтра в дороге. Устал как собака.

– Оно и видно. Добавь меня в друзья.

– В смысле?

– Ну, в этой странной соцсети.

– Да ладно?! Поздравляю, Ви! Всего-то надо было школу сменить в шестой раз.

– Good night, Sasha. (Спокойной ночи, Саша.)

– Гуд найт, Вивишка.

Ложусь на кровать и смотрю в потолок. Каждую минуту двигаю какой-нибудь конечностью, чтобы не наведалься непрошенный гость. Внезапно вибрирует телефон.

«Заявки в друзья. Александр Веселов». Нажимаю «Добавить» и захожу на его страницу. Ставлю лайки на все одиннадцать фотографий, одна из которых – со мной, селфи на Time Square.

Слишком много информации для одного дня... слишком много...

Глава 5

День незнаний

– Из личного опыта могу посоветовать – не игнорируй людей. Они сами отлипнут, когда поймут, что с тобой тяжело говорить. Клещами всего не вытащишь.

– Да уж, придется.

– Ты чего с утра пораньше такая нервная?

– Я бы на тебя посмотрела, если бы всю ночь тебе мешала спать... some rubbish⁷! – стучу по задней крышке надоедливового планшета.

– Удобная же вещь! Или нет? В чем виноват планшет?

– После полуночи мне стали приходить уведомления. Типа: «Выберите завтрашний обед», «Выберите факультативные задания»...

– Занятия.

– Whatever! (Пофиг!)

– И что ты выбрала?

⁷ какая-то ерунда.

– Какой-то крем-суп, какие-то овощи, какой-то пудинг, какой-то чай, йогу, игру на барабанах и стрельбу из лука.

– Че? Стрельбу из лука?! Ви, ты нормальная?

Да я и сама не уверена, нормальный ли это выбор, учитывая, что планшет жужжал, как надоедливое насекомое, каждые десять минут, пока я не заполнила всю недостающую информацию о себе. В итоге я проспала целых три часа! Без снов и паралича! Чудесно, конечно, но крайне мало.

На мне та же одежда, что и вчера, у меня та же прическа, что и вчера. Теперь я буду эталоном постоянства, хотя бы для себя.

Заезжаем на территорию Академии без каких-либо вопросов, Принцесса уже запомнил нашу машину.

– Удачи, Ви! Ты сможешь!

Улыбаюсь другу и отвечаю на его жест ладонью – down low – хлопком ладонью снизу.

Не успеваю отойти от машины, как на меня обрушивается уже знакомая мне лавина, а мой рыцарь на железном коне стремительно скрывается за фонтаном и уже не в силах мне помочь.

– Привет, Вивиан! А как тебя коротко можно называть?

Заметка в телефоне уже наготове.

«Ви».

– Иу! Мне нравится! Стильно. Знакомься, это моя правая рука – Лесечка.

– Привет! Ничего я не правая рука, я – подруга! Мне тут

дали недавно новое имя – Алекса, но мне не очень нравится. Это как этот новый умный дом. В общем, называй как хочешь! – Алекса-Леся – девочка, типажом похожая на лису. Она немного ниже ростом, чем я или Анджела, волосы у нее светлые, густые и прямые. Заостренный нос, четкие скулы, тонкие губы и большие миндалевидные глаза. Ну, чем не лиса? Алекса сразу понимает, что сболтнула лишнего. – Прости. Я помню, ты... Не говоришь.

«Ничего. Приятно познакомиться».

– Алгебра первым уроком! Кто такое вообще придумал? – Анджела берет меня под руку с левой стороны, а с правой Алексу, и мы вместе медленно движемся к входу. Какой ужасный поворот событий! Я не стремилась оказаться «левой рукой» Анджелы, если правая у нее уже есть. – Я тебе вчера не все успела рассказать. Этот год обещает быть просто сумасшедшим на события! Начнем сначала. В сентябре обычно все раскачиваются, отходят после бурных каникул. Ну, у кого как, конечно. Вот Лесечка у нас в языковой школе в Париже полтора месяца провела, а я отдыхала в Дубае, а училась удаленно. К школьной обстановке снова придется привыкать. Так как я староста, вы, девочки, счастливицы, узнаете все из первых уст! – Так медленно в своей жизни я еще не двигалась. – В октябре у нас запланирована благотворительная ярмарка: будем продавать то, что сделали своими руками на аукционе, а вырученные деньги пойдут в фонд для больных детей. В прошлом году мы уже органи-

зовывали такое мероприятие, и оно имело большой успех, пусть большинство денег мы и получили посредством продажи вещей своим же родителям. Ну и, конечно, это все сопровождается большим концертом – самодеятельность, не спорю, но у нас в Академии талантливы... Подождите-ка...

– Все! – хором говорят девушки и смеются. Я улыбаюсь с поджатыми губами.

– В ноябре у нас по плану поездка в Польшу на ежегодную олимпиаду, а еще родительский вечер, тоже что-то по типу благотворительности. В декабре – новогодний бал, который заядлые католики продолжают называть Рождественским. А перед этим мы в качестве волонтеров ездим в дома престарелых и детские дома. Только старшеклассники. Я этому очень рада. По секрету, Ви, ты ведь никому это... не разболтаешь. – Мы садимся на скамеечку, стоящую прямо рядом с лестницей – не скамейка дружбы, конечно, но тоже сойдет – прямо в той же позе сиамских близнецов, что и ранее ходили по подъездной дорожке. – У нас в нынешнем десятом классе учится мальчик, он по возрасту наш ровесник. Но так вышло. Его зовут Роберт...

– Анджелка уже несколько лет по нему вздыхает. Да и не только она, желающих много. Только у нее, видите ли, имидж. Староста там, президент школьного совета. А тут какой-то Роберт Недопатинсон.

– Блин, Лесь, ты иногда такая бяка. Я, короче, жду совместных мероприятий, чтобы он меня заметил. Так, что там

по времени? Пятнадцать минут до урока. В марте у нас ежегодная пьеса, обычно ставит драмкружок, пьесу выбирает директор кружка. К ней все готовятся уже с января. Кстати, про январь! Может быть, всем классом снимем домик у моря? Или вообще в Польше!

– Энджи, фантазерка!

– Ну а че сразу фантазерка? Я уверена, многие поддержат мою инициативу. Да и все, в общем-то. Потом ЕГЭ, будь оно неладно, последний звонок в старой доброй русской традиции и выпускной. Ничего не забыла? Ничего не забыла. Ты страничку ВК создала?

Протягиваю Анджеле телефон с открытым профилем.

– Заявку отправила, сейчас приму. Готово! – Теперь у меня целых два друга. Такое количество начинает пугать. – В перерыве добавлю тебя в беседу. Ну что, готовы к первому учебному дню, дамы?

Я не знаю, к чему я готова, но моя правая рука уже прилично затекла. Встаем со скамейки и направляемся в школу.

Shoot!⁸ Врагу не пожелаю заходить в школу так, как это делали героини фильма Mean Girls⁹. Но нет, я вижу их уже с порога. Они пришли намного раньше нас. Судорожно печатаю: «Это Марта и Мари?»

– Так точно. Марта рыжая.

В главном холле огромное количество учеников. Былую

⁸ Блин!

⁹ «Дрянные девчонки».

красоту и яркость коридора будто стерло ластиком. Люди, везде люди. Но высокая статная рыжеволосая девушка в блузке оверсайз и бархатных туфельках с носочками в сеточку выделяется из толпы сразу же. Машу же никак нельзя назвать Машей – это стопроцентно Мари. Немного ниже подруги, темные, стильно уложенные волосы со стрижкой пикси, блузка с рукавами-фонариками и классические туфли Dr. Martens – я всегда боялась даже стоять рядом с такими девушками. В моих прошлых школах явные королевы бала имелись только в Цюрихе и Нью-Йорке, но у нас почти не было общих уроков, я с ними редко пересекалась. Повезло же мне сейчас!

Анджела делает вид, что не обратила внимания на горячо беседующих одноклассниц, и продвигается в сторону наших шкафчиков.

– Кстати, жалко, что ты вчера рано ушла, Ви, – говорит Алекса. – Мы после собрания съездили на море в целях тимбилдинга. Надеюсь, в следующий раз ты к нам присоединишься.

Улыбаюсь и киваю. Что еще мне остается? Радоваться, что уехала домой? Почему здесь все такие дружелюбные, это проявление русского менталитета?

У наших шкафчиков толпятся и смеются мои одноклассники. Хочу остаться незамеченной, и вроде бы мне это удастся, они уже убрали ненужные вещи.

– Всем привет! – громко кидает Анджела.

«Привет! Привет, Эндж! Привет, Лесь!» – сыплется со всех сторон. Я рада, что на меня не обращают внимания. Оставляю в своем шкафчике зачем-то положенный мамой зонт и смиренно жду девочек. Не хочу показаться неблагодарной.

Кабинет математики располагается в левом крыле второго этажа рядом с кабинетами химии, физики и биологии. Стены в этом холле исписаны формулами, по бокам стоят небольшие кожаные диванчики. Следую за девочками, следую за ними, чтобы не привлекать к себе внимания.

Кабинет большой, просторный и светлый. Учительский стол стоит прямо напротив входа. Одноместные парты расположены справа от деревянной (что примечательно) входной двери в четыре ряда, по пять в каждом. И да, они тоже из переработанного пластика. Два больших окна с рамами из темного дерева смотрятся очень гармонично с таким же полом. Я готова учиться. Я готова.

Выбираю последнюю парту в четвертом ряду у окна. Достая из рюкзака тетрадь, планшет, пенал в форме банана из магазина Tiger и убираю телефон. Рядом с белой доской висит небольшой экран с картинкой перечеркнутого мобилейника. Все заняты своими делами, я стараюсь не смотреть на ребят и решаю проверить, что же еще интересного можно найти в моем расчудесном планшете.

Звенит звонок – «Попурри» Штрауса. Спасибо моему всестороннему образованию за такие познания в музыке. Учи-

теля нет уже некоторое время, и это меня тревожит. Через шесть минут в кабинет врывается седой растрепанный мужчина в зеленом твидовом пиджаке. За ним следует Анастасия Дмитриевна.

– Здравствуйте, дорогие ученики! Прежде чем вы начнете урок алгебры, позвольте вам представить новую ученицу. Вивиан, подойди сюда, пожалуйста.

Что? Кто? Я? Подойти? Куда? Туда? Ни за что!

Неловкое молчание. Пожалуй, слишком неловкое. Я встаю из-за парты и на ватных ногах подхожу к завучу. Расстояние от конца кабинета до учительского стола кажется мне пятикилометровым марафоном, сверлящие меня пятнадцать пар глаз не дают спокойно дышать.

Откуда такие порядки? Меня раньше никогда не просили выходить в центр класса! Я всегда рассказывала о себе с места.

Анастасия Дмитриевна кладет обе руки мне на плечи и разворачивает лицом к классу. Жду, когда мне в лицо полетят тухлые помидоры.

– Вивиан, ты можешь написать о себе на доске, если тебе так легче.

Идеальная мысль, как я сама не догадалась! Демонстрировать перед всеми мой неказистый русский почерк – нет ничего лучше!

На дрожащих ногах подвигаюсь ближе к доске, беру с подставки черный маркер и крепко сжимаю его, словно спаса-

тельный круг.

Противный скрежет маркера режет меня острее ножа. Хуже, чем первоклассник – ну ладно, пятиклассник, – вывожу на доске все, что первым приходит в голову. Экспромтом.

«Здравствуйте. Меня зовут Вивиан. Я немая». Помню, у нас в Англии была соседка с болезнью Паркинсона. Вот сейчас я бы составила ей компанию за чашечкой чая.

«Я не обижусь, если вы не будете со мной говорить. Так даже удобнее. Спасибо за понимание».

Молодец, Вивиан. Осталось проверить текст на ошибки и...

– А можно вопрос, Анастасия Дмитриевна?

– К Вивиан?

– Да!

Поворачиваюсь. Лопухий кудрявый парень с самодовольным видом записывается в список моих неприятелей.

– Конечно.

– А какой у тебя талант?

«Талант? Родители у меня ученые, что вам еще надо? Нет у меня таланта!»

– Ну, я просто подумал, если ты немая, может, ты как Джин Грей, мысли читаешь?

По классу прошла волна мерзких смешков.

– Ладно, Дмитрий, сейчас не до шуток. Если Вивиан захочет, то позже всем все расскажет. Хорошего учебного дня!

Анастасия Дмитриевна коротко мне улыбается и выпар-

хивает из кабинета со скоростью мотылька, оставляя меня стоять, как истукан, у доски. Наконец я догадываюсь взять губку и стереть свои каракули.

Хорошо, что дорога до парты оказывается быстрее. Учитель не теряет ни минуты на вопросы о лете, планах на будущее. Как минимум раз пять за урок он напоминает, что ЕГЭ по математике является обязательным, даже если вы собираетесь поступать в Оксфорд. Школу-то надо закончить.

Я рада, что все забыли о моем фиаско у доски. Конечно, это же было фиаско? Какое кому дело? После алгебры по расписанию биология в соседнем кабинете. Я направляюсь к выходу почти последняя, чтобы ненароком ни на кого не натолкнуться, но нет. Передо мной успеваает встрять высокий, хорошо сложенный блондин в кедах, который что-то уточнял перед этим у учителя. Парень пропускает меня вперед, и я решаю кивнуть ему и легонько улыбнуться в знак благодарности.

Это он! Вчерашний парень со скамейки! Не смотри на него, Ви! Не смотри.

– Голд, ну ты че там встал? Разговор есть.

Парень закрывает за собой дверь и присоединяется к компании парней, оккупировавших один из диванчиков. Я направляюсь к кабинету биологии, отличающемуся от предыдущего лишь всевозможными растениями в горшках с милыми карточками-подписями, которые делают кабинет похожим на настоящую оранжерею.

Когда после четвертого урока наступает время обеда, я могу на деле оценить прелести внутреннего двора. Он выглядит так, будто меня ждет не обед в школе, а пикник с королевой Елизаветой: деревянные столы с клетчатыми скатертями, деревянные лавочки с подушками!

– Хорошо, что школьники до десятого класса кушают в другое время, – говорит взявшаяся из ниоткуда Анджела. – Пойдем вон за тот столик, там солнце пригревать не будет. Представь только здесь всю школу в одно время. Жуть!

«Как проходят обеды в школе?»

– Нормально проходят. Ха. Там вдалеке стойка с подогретыми подносами. Для каждого уже есть свой. Подходишь к Анне Васильевне или Степашке, говоришь свое имя и забираешь поднос. Piece of cake! Oh! Cake!¹⁰

Радостная Анджела, по всей видимости, замечает свой поднос и направляется к дальней стойке. Стройная женщина в поварском колпаке и красной форме шеф-повара вежливо раздает ученикам долгожданные обеды.

– Здравствуйте, Анна Васильевна! Благодаря вам я не знаю, что такое очереди!

– Спасибо, Анжелочка. Это тебе. А кто твоя подруга?

– Вивиан.

– Ах, Вивиан! Какое элегантное имя. Это, кажется, твое. – Я киваю в знак благодарности. – На здоровье.

Хорошо, что персонал предупредили.

¹⁰ Игра слов. Piece of cake (букв. «кусочек торта»: «Легкотня!») О, торт!»).

Мой поднос на самом деле тяжелый, хотя все миски из прозрачного стекла. Крем-суп из брокколи, судя по всему, запеченные батат, кукуруза, разные виды капусты, аппетитные гренки, шоколадный мусс и матча на соевом молоке. Вот это сервис!

– В школе столовка отменная. Как вспомню, что ела в начальной, аж дрожь берет. Ты что взяла? – За наш столик присаживаются еще две девочки, которых я не запоминаю. В них нет ничего примечательного, да и на имена у меня память не очень. Рита и Соня. Вроде бы.

– Ты что, вегетарианка? – спрашивает Леся.

«Пескетарианка».

– А-а-а, ясно. Рыбу ешь, значит.

Девочки желают друг другу приятного аппетита, а я лишь киваю. Наслаждаться получасовым обедом и чудесной летней погодой? Что может быть лучше? Оцениваю по достоинству вкус еды и в первый раз жалею, что нельзя вслух сказать: «Спасибо! Все очень вкусно!» Одноклассницы потихоньку переминают кости друзьям и знакомым: кто как подстригся, кто за лето похудел, а кто, наоборот, набрал, кто где отдыхал летом.

– Ви, повернись сейчас немножко вправо, так, будто ты что-то резко услышала и решила посмотреть. На сорок пять градусов. Там за напитком Роберт пошел. Ой, девочки, официально объявляю этот год офигенным! Мы, наконец, обедаем в одно время. И чтобы никто, кроме вас четырех, об этом

не знал. Ясно?

– Конечно!

– Обижаешь!

– Могила!

А я тем временем поворачиваю голову на сорок пять градусов и действительно вижу Роберта. Невысокий коренастый парень, лицо так и сияет, крупный нос, большие губы, темные глаза с длинными ресницами. Ничего такой, Роберт. Сейчас напишу, что они бы хорошо вместе смотрелись. И правда.

– Ви! – громко шепчет Алекса так, что я давлюсь откушенной гренкой и еле сдерживаю звук в себе. – Прости! Не хотела тебя напугать. Не знаешь, что ты сделала Голду? Он так смотрит на наш столик, будто ты у него заняла денег и уже год не возвращаешь. Да, Сонь?

– Я не вижу, уже не смотрит, наверное.

«Кто это? Голд?»

– Леська, ты мастер объяснений, конечно. Голд – это кликуха Артура Золотова. Я тебе вчера про него рассказывала. Они с Давидом и Бэкхемом неразлучная троица. Блондин такой высокий. Рубашки на нем красиво смотрятся.

– На нем все красиво смотрится!

Ясно. Понятно.

Все разговоры всегда сводятся к парням. Не могу перестать думать, правда ли он на меня смотрел или нет, даже на следующих уроках – русском языке, литературе и двух

английских подряд.

Самое замечательное задание, какое только может быть, – сочинение на английском языке. Да я все равно, что cheater¹¹. За полтора урока я написала, как провела лето. Жаль только, с уроков не могут отпустить раньше.

Звенит долгожданный Штраус. И, кстати, звонки слышны не во всей школе, а только в тех классах, для которых они звонят. У средней школы другое расписание звонков.

Не могу поверить, что уже почти пять часов. Хорошо, что у нас не каждый день по восемь уроков.

– Ви, ты идешь на какие-то дополнительные?

Судорожно проверяю планшет – вдруг я ненароком записалась не туда, куда хотела? Фуф. Нет. Я свободна.

«Нет. А вы?»

– Мы обычно остаемся в тихой комнате и делаем уроки, или я в комнате звукозаписи тренирую дикцию, а Анджела...

– Я сама могу похвастаться своими макетами! Я – архитектор. И ландшафтный дизайнер. Все могу. А дома творить не из чего, только программы на компьютере. Есть старенький 3D-принтер, но он уже совсем никакой. Так что и остаюсь допоздна. Родители за нами обычно около восьми-девяти часов приезжают. Совершаем еще набег на кафетерий, Анна Васильевна всякие вкусняшки готовит. Поэтому подумай, может, тоже будешь оставаться.

«Спасибо. Подумаю. До завтра».

¹¹ Читер, мошенник.

– Пока, Ви! – бросают мне девочки, и я, радостная, что пережила этот день, выхожу на улицу. Теплый вечерний воздух ласково обнимает мое перенапряженное тело. Так рано из школы уходят разве что пятиклассники. Радуюсь, как ребенок, знакомому переднему бамперу.

– Карета подана! – слышу радостный голос из опустившегося окна.

Мне на самом деле нравится эта школа. Все идет по плану. Шекспир был прав. Дедушка Джон был прав.

– Я сейчас тебя подброшу и вернусь обратно. Надо еще поработать пару часиков. Основные кабинеты мы уже приспособили под лаборатории, но каждый день приходит какое-то оборудование. Работы непочатый край! Как сегодня дела в школе?

Включаю аудиопрочтение в заметке. Нельзя же водителю отвлекаться на всякую ерунду.

«Все хорошо. Был неприятный момент, но я справилась».

– Красава! А как ребята у вас? Подружилась уже с кем-то?

«Ты же знаешь, это не в моих интересах. Староста у нас неплохая. Пара выскочек. Не знаю, неприятных людей тоже хватает».

– А сколько человек в классе?

«Шестнадцать. Со мной».

– Должен быть сплоченный коллектив. И запомни, Ви. Не бывает плохих людей – бывают скверные ситуации.

Слова Саши плотно закрепляются в сознании. Почему-то

я применяю их не к своему новому окружению, а к самой себе. Я неплохой человек, просто я создала скверную ситуацию. Браво.

Вверху экрана телефона появляется новое уведомление. Меня добавили в беседу «15 друзей Канта».

Анджела: Ребята, я добавила Вивиан в конфу.

Димитрий: Спасибо, кэп.

Название беседы изменено на «16 друзей Канта».

София: Привет, Ви!

Вадим: Добро пожаловать в дурдом!

Что мне делать? Отвечать? Обычно я игнорирую такого рода вещи. Будет ли это грубостью?

– Ты чего там? С друзьями общаешься?

Смеряю Сашу укоряющим взглядом: «Меня добавили в беседу ВКонтакте. Не знаю, надо ли что-то писать?»

– Конечно! «Привет», там. Хотя бы.

Вивиан: Всем привет!

Уф.

Вадим: А как правильно, Вивьен или Вивиан?

Зачем они задают мне все эти вопросы?!

Вивиан: Вивиан, можно просто Ви.

Вадим: Круто!

Маргарита: Привет, Ви! Моя бабушка большая поклонница Вивьен Ли. Тебя не в ее честь назвали?

Хотелось бы, но нет.

Вивиан: Нет:)

«Не бывает плохих людей, – повторяю я эту фразу как мантру, – бывают скверные ситуации».

Глава 6

Плюс двадцать четыре

Следующие несколько дней проходят ровно и спокойно. Погода благоволит, занятия оказываются понятными, а некоторые даже захватывающими. У меня есть отдельный блокнот с ламами, купленный в местном магазине, для записи незнакомых мне русских слов. Их немного, в основном там оказываются те фразы, которые я путаю с английским языком.

Также я не ожидала огромного наплыва учеников из всевозможных спортивных школ и сообществ города. Конечно, с таким небольшим количеством ребят, как в нашей Академии, невозможно создать две противоборствующие команды. Поэтому каждую неделю нас посещают городские юношеские сборные по фехтованию, шахматам, футболу и другим видам спорта, названия которых я не посчитала нужным запомнить.

Мне понравилась вариативная дисциплина, на которую

я записалась, – литературное письмо. Во время занятия мы присутствовали на поединках по фехтованию и должны были как можно ярче описать увиденное. Я уверена, что получу максимум четыре с минусом, но пользу от выполнения этого упражнения описать невозможно.

Учитель по стрельбе из лука прилетит в Калининград из Китая только на следующей неделе. Это все-таки факультатив. А вот занятия по йоге на самом деле помогают навести порядок внутри меня. Всего два урока, а я сплю уже по четыре часа! И почему я раньше не пробовала дыхательные практики? На занятия по йоге ходят двенадцать человек – семеро из нашего класса и пятеро из десятого. И все кажутся очень успешными.

Все великие люди когда-то были новичками, Вивиан. Верь в это!

Беседа в новой социальной сети постоянно беспокоит новыми уведомлениями, зачастую не относящимися к урокам. Мои одноклассники любят дурачиться, как и все семнадцатилетние подростки, присылают смешные фотографии и коллажи, высмеивают учителей. А я, как несерый кардинал или как оруэлловский неБольшой Брат, слежу за всеми, но не имею никакой власти, даже над собственным голосом.

Я стараюсь уменьшить общение с Анджелой и Алексой. К концу недели они почти не задают мне вопросов, только за обедом я делаю вид, что внимательно слушаю их сплетни, и заинтересованно киваю. Несколько раз они акценти-

руют внимание на странных взглядах Голда, обращенных в мою сторону. Я только отнекиваюсь, но мне становится не по себе, когда я вижу его среди участников группы по йоге. Он кладет мат в первом ряду слева, прямо у зеркала. Я же, конечно, в конце зала, во втором ряду.

Паранойя может привести к чему угодно, верно? Это все девочки со своими домыслами! Зачем один из самых популярных парней школы будет пялиться на меня в зеркало зала для йоги? Nonsense!¹²

Наконец-то пятница. Я знаю, что ученики приезжают в Академию и по субботам, чтобы посвятить время усовершенствованию своих талантов, пообщаться друг с другом и просто побыть вдалеке от родителей. Я же жду субботы, чтобы разобраться с пятитонным домашним заданием и придумать подробный план, как избежать участия во всех общественных делах.

Прощаюсь с девочками, решившими снова остаться в школе и позаниматься. Главный холл первого этажа такой пустынный и забытый, что мне хочется рассмотреть все поближе. Подсвеченный сзади синими лампами аквариум с золотыми рыбками, несколькими бирюзовыми акарами, меланхоличными коридорасами и скаляриями кажется мне уменьшенной копией океанариума в Окинаве. Мне становится немного грустно, оттого что я ем собратьев таких красивцев, но ничего не могу с собой поделать. Я люблю рыбу.

¹² Бред!

Прохожу еще несколько метров и натываюсь на телевизор с информацией об Академии. Фотографии с открытия, никак не связанные с ними цитаты distinguished философа...

– Хватит! Пожалуйста! Отвалите!

Из ближнего чулана явно доносятся чьи-то восклицания, шорохи, стуки. Сердце начинает бешено колотиться: что и кому нужно делать в чулане после уроков?

– И че? Мамочке побежишь рассказывать?

Долго не думая, я бегу к «святая святых» – кабинету оператора видеонаблюдения. Худощавый мужчина за пятьдесят с густыми темными волосами и усищами под стать сидит, откинувшись на спинку кресла с открытым ртом и закрытыми глазами. Да за что тут только зарплату платят? достаю телефон и делаю фотографию – не для своего профиля в Instagram, а в качестве доказательства. Если что.

Сильно бью по стеклянной двери кулаками и захожу внутрь. Для пушей убедительности бью еще несколько раз по стенке стеллажа справа.

– Что? Что ты делаешь? Ты кто?

«Там кто-то в беде» – пишу я в заметке и показываю подслеповатому охраннику.

– Что? Где? Что за чушь?

У меня нет времени объяснять человеку спросонья то, что я и сама не очень-то поняла, да еще и без слов. Я хватаю его за рукав форменной куртки и отвожу к одной из двух

не стеклянных дверей в холле. Мужчина смеряет меня недоверчивым взглядом, якобы говоря: «Ну, сейчас посмотрим, что тебе там почудилось!» Резким движением он открывает дверь, и нашему взору предстает худенький паренек, лежащий на полу где-то между складных стульев и праздничной мишуры. Над ним склонились трое – каждый в два раза крупнее него, их спины тяжело вздымаются, то ли от ярости, то ли от усилий.

– Блин! Валим! Валим! – кричит один из них, и все трое сразу выметаются из открытой двери, отталкивая каменными плечами оператора и меня.

– Вот тебе раз! Что это такое творится?! На моей памяти такого еще не было! – причитает мужчина, а я захожу внутрь на удивление просторной подсобки и подаю пареньку руку. На первый взгляд, он не выглядит побитым, немного потрепанным, ничего более. Его слишком взрослое выражение лица поражает меня, оно никак не соотносится с хлопким тельцем. Быстро печатаю в заметке: «Ты цел? Я немая».

– А, да. Спасибо. Спасибо.

– Пацан, это кто были? Из девятого же? Ты их знаешь?

– Нет, – отрезает мальчик.

– Мне надо доложить директору. У всех вас будут большие проблемы.

– Мне нельзя проблем. Нельзя. Не говорите... – бормочет про себя мальчик.

«Вы ничего не скажете директору» – пишу я в заметке,

показываю охраннику и люблюсь его самодовольной ухмылкой, пока он не видит сделанной мной ранее фотографии.

– Ты это, слышь, удали! Удали, говорю. Не скажу я ничего никому, если и вы не скажете.

Удаляю фотографию под его пристальным наблюдением, зная, что легко смогу восстановить ее из облака.

– Идите теперь по домам. Идите! – машет он рукой в сторону входной двери. В свете золотистого вечера прозрачная дверь кажется светом в конце темного тоннеля. Парень немного прихрамывает, но молчит. Мы вместе выходим на крыльцо и стоим с полминуты в полном безмолвии.

«За что они с тобой так? Почему директору нельзя знать?»

Мальчик подбирает нужные слова, взъерошивает и без того непослушные русые волосы и решается ответить:

– Потому что я по соцпрограмме. Я из детского дома. Наша директриса как узнала, что есть такая программа, сразу меня записала на конкурс. И я прошел. Представляешь? Из всей области прошел. Я и правда рисую неплохо. И честно выиграл конкурс. А это мои одноклассники. Они не сильно меня, больше пугали, пнули пару раз. А если директор узнает – плакала моя стипендия. Я же каждый вечер обратно возвращаюсь, наши любят слушать истории, что я на уроках делал, чему меня учили. Я им пообещал: как школу закончу и поступлю в хороший вуз, прославлюсь, буду картины продавать. И всем помогу. Спасибо. За... Ну, там, в коридоре.

Ты же не скажешь ничего директору?

Мотаю головой. Конечно, нет.

«Как тебя зовут?»

– Тимофей. А тебя?

«Вивиан».

– Серьезно? Офигенное имя. Никогда не встречал никого с таким именем. В каком ты классе?

«11. Ты?»

– В девятом. Круто! Теперь у меня есть знакомые старшеклассники. Ты тут всегда училась?

Заминаюсь. Жалко расстраивать Тимофея, но приходится.

«Я такая же новенькая, как и ты».

– А-а. Ясно. В любом случае спасибо. А почему ты немая?

Ну и вопросы у тебя, Тимофей! Бьешь не в бровь, а в глаз! Тебе правду или соврать? Конечно же, версию, ставшую правдой.

«Травма связок. Детская».

– А-а. Ясно. Это за тобой приехали? Твой парень?

Смотрю на красующегося Сашу в солнцезащитных очках.

«Брат» – с улыбкой показываю телефон.

– Спасибо, Вивиан. Еще раз.

«А тебя когда заберут? Может, подбросить?»

– Не, спасибо. Я подожду на въезде, у башни. Там они меня не тронут.

Машу на прощание рукой. Тимофей отвечает тем же.

Саша в машине обескураживает меня приподнятым настроением. Из колонок играет песня *Patience* группы Take That.

– Это кто был? Твой парень? – Друг смеется, радуясь тому, что я не могу обозвать его болваном, дураком и идиотом, пока мы не доедем как минимум до границ поселка.

Пока мы едем, я думаю, правильно ли поступила, стоит ли об этом говорить Саше и как Тимофей доберется до дома. Он, наверное, здорово перепугался. А если они снова задумают его поколотить? И меня на этот раз рядом уже не будет? Ах, слишком просто все начиналось, за все в жизни приходится платить. Вот и я плачу за свою ложь.

Саша отвозит меня домой и возвращается на работу. У ученых пятница – не короткий день. У ученых все не так, как у обычных людей. Сегодня я даже не выключаю надоедливый робот-пылесос, мне хочется чувствовать чье-то присутствие.

Захожу в Instagram и загружаю в профиль фотографию фасада Академии, сделанную на днях: *Week 1 – Done*¹³.

Раскладываю на столе учебные принадлежности и решаю проверить свой дневник. Марина Алексеевна, учитель по литературе, выставила оценки за описание поединка. Четыре. Без минуса, но с огромным комментарием на целую страницу. Я рада, что мне есть чему поучиться в эти выходные, ведь завтра родители будут работать весь день.

¹³ «Неделя 1 – сделано».

Почти все воскресенье у нас дома – царство Морфея. Обессиленные взрослые, пришедшие с работы в субботу почти в четыре утра, просыпаются только к вечеру. «А что делаю в воскресенье я?» – спросите вы. Нет, я не еду вместе с одноклассниками в Калининград, несмотря на противный морозящий дождь. Я пишу лаконичное «Я пас» и благодарю всех богов за возможность закончить два реферата и четыре теста.

А все потому, что в ночь с пятницы на субботу меня посетил давний приятель – сонный паралич. Я закрываю глаза и готовлюсь к нормальному четырехчасовому сну. Не могу вспомнить правильную методику дыхания, показанную в четверг на йоге. Как правильно задерживать дыхание: на вдохе или на выдохе? Черт! Теперь пульс, наверное, за сто.

Моему приятелю много не надо. На самом деле я не знаю, что ему надо. Пара секунд, когда я думаю, что уже заснула, – и вот я уже не могу пошевелиться. Мои глаза закрыты, но таинственным образом сквозь сомкнутые веки я вижу потолок и кусочек окна. Мне нужно потерпеть и постараться по-настоящему закрыть глаза, представить черную пелену. Хлоп – в голове гул, словно кто-то залил мне в уши ушат воды. Перед глазами белый шум, мерзкий и ослепляющий. Я изо всех сил стараюсь пошевелить рукой или ногой, хотя бы одним пальцем, но с каждым моим усилием гул увеличивается, а апогеем становится пришедший ему на смену неистовый смех киношного злодея. Белый шум стихает,

но я и не думаю, что это конец – перед закрытыми глазами на белом потолке моей комнаты в ночном сумраке ползут тени силуэтов-великанов, словно бы грешников в Дантовом аду. Прожорливый смех, питающийся моей психикой, скорчившиеся в безумном сюрреалистическом танце тени, бешеный стук моего сердца – барабанной установки, отбивающей ритм этого нечеловеческого хохота...

Я сдаюсь! Я сдаюсь! Я буду считать до ста, до двухсот, до пятисот, до тысячи... Тысяча одиннадцать...

Все стихает так же резко, как и началось. Я медленно встаю на кровати и разминаю конечности, провожу затекшей рукой по мокрому лбу.

– *Vi, you have to help me!*

– *I don't know if I can. Please, don't go! We should wait. They will be here soon.*

– *You promised me, Vi! Vi!*

(– *Ви, ты должна мне помочь!*

– *Я не знаю, смогу ли! Пожалуйста, не уходи. Нам нужно подождать. Они скоро придут.*

– *Ты обещала мне, Ви! Ви!*)

Это крики или смех? Сон смешался с параличом? Смотрю на свое осунувшееся лицо в зеркало в ванной и обильно умываюсь ледяной водой, а потом наливаю ее в стакан и выпиваю залпом. Родители вроде говорили, что здесь нельзя пить воду из-под крана. Блин.

На часах пять часов утра. Я знаю, что не смогу за-

снуть и всю субботу проведу в гостиной под пледом, смотря Netflix. Главное – забыть этот ночной кошмар. Главное – не показывать родителям, что я себя неважно чувствую.

Парочка корейских масок, и к понедельнику я выгляжу более или менее похожей на человека. В воскресенье вечером мы с мамой даже печем шарлотку вместе из местных яблок. Хорошо, что главная тема для разговора у нас непосредственно сам рецепт, а также список продуктов на две недели. Завтра после работы родители поедут за продуктами, поэтому им нужна будет машина. Саша приедет за мной на такси, но чуть позже обычного, в семь часов.

В семь часов! И что прикажете делать в школе до семи часов? Пойти с Анджелой и Алексой в кафетерий, послушать свежие сплетни, сделать упражнения для мышц шеи? Но выбора у меня нет, как, в общем-то, и всегда.

Маме нравится помогать мне укладывать волосы по утрам. Я смотрю на загадочную улыбку Моны Лизы, посетившую ее ненадолго, слушаю восклицания удовлетворения, заряжаю себя хорошим настроением на весь день.

– Magnifique! Good to go! (Красота! Можешь идти!)

– Thanks, Mom. (Спасибо, мам.)

Женьшеневый чай, ставший уже традицией, сухофрукты в бумажном пакетике. Что-то изменилось в самой маме с момента нашего переезда в Россию. И это изменения в лучшую сторону. А как изменилась я? Стала больше врать? Не думай об этом, Ви. Не порти себе понедельник.

Сегодня непростительно жаркая погода, я благодарю метеорологов за то, что они помогли мне с выбором: белая рубашка с коротким рукавом и короткой синей бахромой по краям, короткие белые носки вместо телесных колготок и черно-белые кеды Vans. Никто же не хочет, чтобы ученики угорели? Тем более я видела в Академии школьников в кедах. Плюс двадцать четыре градуса! Прибавьте к этому влажность балтийского климата, и получится что-то около тридцати.

Ко всеобщему счастью, в кабинетах включили кондиционеры, но их мощность is as useful as a chocolate teapot¹⁴! Наверняка, чтобы не застудить детей. На первых двух уроках щеки мне охлаждает металлический термостакан, оказавшийся снаружи прохладным. «Угораздило же маму налить мне горячего чая в такой жуткий день» – думаю я и решаю проверить температуру напитка.

Кубики льда! Там плавают кубики льда! Мама приготовила охлаждающий чай! Она очень старается.

– Почему бы нам не провести биологию на улице? – сетуют ребята.

– И правда, почему бы нам не провести биологию на улице? – соглашается Валентина Леонидовна.

Мы заходим в самую чащу искусственно посаженного леса, и вот я уже вижу то, что нельзя увидеть с территории Академии, – огромное спортивное поле с электронным таб-

¹⁴ толку, как от козла молока, дословно «толку, как от шоколадного чайника».

ло и несколько жилых деревянных домиков для служащих.

– Ви, видишь каменный домик? Мы там живем во время летних курсов.

Рядом с деревянными домиками стоит красивая постройка в стиле Академии с двумя колоннами и каменными балконами, напоминающая старое английское поместье. Мне становится неприятно – я уже никогда не посету летние курсы и не проведу время в этом здании.

Нам дают задание – разбиться на пары и подобрать латинские названия ко всем деревьям и растениям в лесу. Кто найдет больше всего правильных латинских названий – тот и победил. Глупое задание, особенно если учесть, что никто не захочет в напарники немую.

– Разбились на пары?

Соня и Рита, Анджела и Алекса, Марта и Давид, Бэкхем и Голд, Димитрий и Егор, Мирон и Вадим, Мари и Аглая, я и...

– Ну а че я с немой-то? Че за подстава?

– Михаил! Без вопросов и пререканий. Приступайте к заданию, пожалуйста.

Еще около двадцати секунд ребята жалостливо осматривают получившийся тандем, и мне становится по-настоящему интересно, кого они все жалеют: меня или Михаила?

– Пиши разборчиво, а не каракулями, – грубо бросает низкорослый парень с хипстерской прической – высоко уложенным хохолком. В ответ я смотрю на него таким взглядом,

чтобы он морально ощутил ответный плевок.

Следующие двадцать минут мы медленно ходим по лесу и изучаем таблички под деревьями. Я под диктовку записываю красивые латинские названия. Несколько раз встречаюсь у кустов с лесной геранью с Анджелой и Алексой. Они мне по-дружески улыбаются, а вторая даже ободряюще хлопает меня по плечу.

Около рядов с твоей *Fastigiata* мы встречаем Голда и Бэкхема – носителя еще одной хипстерской прически, небольшого хвостика с выбритыми боками.

– Тебе обязательно быть таким засранцем, Миш? – внезапно спрашивает блондин. Мой напарник встает с корточек и подходит ближе к Голду. Со стороны это выглядит смешно, так как он оказывается ему почти по грудь.

– Твоя оксиденталис *Фастигиата*, – выплевывает слова Миша. – Записывай, немка.

Голд усмехается, закусывает губу и резко хватается парня за грудки так, что у него на спине натягивается рубашка. От неожиданности Миша роняет телефон на землю. Недоумевающий Бэкхем успокаивающими движениями ладони хлопает друга по предплечью, но это не сильно исправляет ситуацию.

– Сейчас ты извинишься перед Вивиан. И. Впредь. Запомнишь ее имя. И не будешь. Вести. Себя. Как. Последняя. Скотина, – Голд отделяет паузами почти каждое слово так, что они бьют по Мише сильнее физических ударов.

Я не вижу выражения лица Миши, но, судя по его дергающейся правой ноге, могу сказать, что он не на шутку испуган. Лицо Голда искажено гримасой пренебрежения, близкого к ярости, но еще контролируемого. С ближних тропок слышатся голоса остальных ребят, и Голд, наконец, отпускает Мишу, поправляет на нем рубашку и одергивает рукава.

Вивиан. Мое полное имя.

– Ты, кажется, телефон уронил, Миш. Аккуратнее надо быть, – говорит парень как ни в чем не бывало. На полянку заходят сразу две парочки – Анджела и Алекса, Марта и Аглая. Чувствуя напряжение в воздухе, староста заводит разговор на нейтральную актуальную тему, о которой все мы ненадолго позабыли:

– У нас уже двадцать девять наименований, а у вас?

Мне становится нестерпимо жарко, хотя сквозь деревья на полянку пробиваются порывы прохладного ветра. Я дышу так неровно, будто у меня начинается самая настоящая паническая атака.

Голд только что за меня заступился?

– У нас около двадцати, да, Бэк? – спрашивает друга блондин, но смотрит при этом на меня. Я стараюсь сдержать эмоции и не показать ничего, вспоминаю слова похвалы Саши и с самым бесстрастным лицом смотрю прямо в глаза своему защитнику. И только тетрадь по биологии превращается в смятое безвкусное оригами из картона и бумаги. Голд закусывает нижнюю губу, словно собирается что-то сказать,

но в последний момент передумывает.

– Теперь двадцать один. С этой туей.

– Отлично, пошли дальше.

Парни пересекают поляну в том месте, где нет ни одного человека, и поспешно удаляются. Я выдыхаю весь воздух, насколько могу, не издавая при этом звуков, и, кажется, Миша делает то же самое. Потом он, наконец, сдвигается с места и поднимает испачканный в земле телефон.

Ни на кого не глядя, выхожу из леса прямо к скамейкам, где большинство ребят уже стоит около царственно восседающей в широкополой шляпе учительницы биологии.

– Ну что, все готовы? Сначала говорите число растений, а потом победители прочтут свой список. Если окажется, что у них нет каких-то растений, – поднимаете руку и дополняете список.

Забавно, на какие только ухищрения с заданиями не пускаются учителя, чтобы посидеть в тишине и подышать свежим воздухом. Все мы люди.

Когда очередь доходит до нашей «пары», я открываю тетрадь, где на пустом смятом листе уже написала огромную цифру 18. Мы оказываемся не последними, Мирон и Вадим нашли всего пятнадцать наименований, а победителями оказались Марта и Давид – тридцать два растения.

Марта, кажется, искренне радуется победе в глупом задании по ботанике и на глазах у учительницы не стесняется чмокнуть Давида в щеку. Я бы не удивилась, если бы Вален-

тина Леонидовна вслух сделала комплимент гармоничности молодой пары.

До обеда я никак не могу унять дрожь в правой руке. Во время письма ручка съезжает с клеток и линеек так, что даже графологическая экспертиза не установила бы значения написанных каракуль. Я успокаиваю себя тем, что скоро смогу подкрепиться вкусным салатом и блинчиками, но из головы никак не уходит пристальный взгляд Голда. Он мог означать что угодно! «Ты жалкая. Почему ты даешь себя в обиду?», «На самом деле, я – супергерой и не терплю несправедливости!» Или вот то, над чем любят шутить девочки: «Ты мне нравишься, Вивиан. Ты же немая, ты будешь выслушивать любые бредни!»

По дороге на задний двор меня вылавливают Анджела и Алекса и отводят в сторону аквариума, избавляясь по дороге от заинтересованных рыбками учеников средних классов.

– Ви! Мы, конечно, видели только немножко и со спины... Но! Просто тебя предупреждаем. У Артура есть проблемы с агрессией. Он в восьмом классе только так кулаки распускал. Но такого не было вот уже... да больше двух лет!

– Да! Да! Я теперь даже не уверена, что ты ему нравишься. Он, может, от стресса совсем с катушек съехал. Ну, выпускной класс, все дела. Осторожнее с ним. Он очень хороший пацан. Последнюю копейку другу в беде отдаст. Да и симпатяга, что скажешь! Но что есть, то есть. – Алекса замечает

приближающихся Сою и Риту и умолкает.

В который раз я сажусь за столик так, чтобы мое лицо было не видно сидящим за «популярным столиком». Овощной салат и хумус – отличный выбор для такого пекла, но я решаюсь жевать медленнее и, может, даже опоздать на урок, чтобы отдохнуть от кучи людей в замкнутом пространстве.

– Вы только гляньте на них, сидят милуются. Ни стыда, ни совести. А если бы тут были дети?

– Анджелка, ты такая завистливая. А что, если бы это были вы с Робертом, а?

– Пф! Мы бы так бесстыдно на людях себя не вели. Это же всю романтику портит. Аж аппетит пропал.

Становится интересно, что так взбесило нашу старосту, и я немного поворачиваю голову. Вижу, как Давид с ложечки кормит Марту, а рыжеволосая бестия гладит его по голове и над чем-то хихикает. Ребята вокруг них тоже не особо рады такому соседству, но ничего поделать не могут – законы племени.

– У тебя же аппетит пропал!

– А вот на Робеньку посмотрела, и появился. – Алекса закатывает глаза так, чтобы это видела я, и беззвучно смеется. Я отвечаю ей широкой улыбкой, потому что Анджела иногда на самом деле уморительна. Обеденное время тянется, на радость, медленно, но, к всеобщему удивлению, балтийский ветер преподносит нам неожиданный подарок в виде дождя. Я смотрю на свои подостывшие блинчики, на еще

не тронутый чай матча и вспоминаю, что у меня в шкафчике лежит зонт. Это значит, что к тому моменту, как я вернусь на улицу, здесь уже не будет ни души, кроме Степашки – второго повара.

Я закрываю блины и чай на подносе салфетками, чтобы они не сильно намокли, и стремглав бегу к школе. Ребята, наверное, думают, что я совсем больная. Я решаю быстро добежать до шкафчиков и передохнуть там пару минут, пока все они не вернутся в школу.

2319. Ага, вот и мой любимый зелено-желтый зонт в клеточку.

Кто-то сзади хлопает меня по левому плечу два раза. Я сжимаю зонт и резко поворачиваюсь на пятках.

В слабо освещенном дневным светом, просачивающимся сквозь густые тяжелые тучи, холле, всего в полуметре от меня, стоит Голд и показывает руками какие-то невообразимые символы, не говоря ни слова. Он ударился головой? Ему нужна помощь? Как же мне позвать кого-то?

Я смотрю на него взглядом, преисполненным страха и тревоги. Он что, изгоняет из меня демона?

– Прости! Вивиан, я думал, ты... Какой же я дурак! – Голд складывает руки в замок, подпирает ими подбородок и начинает заразительно смеяться, так звонко, что мне хочется рассмеяться в ответ. Но я не могу.

– Я Артур, ты помнишь, да? – Я киваю, не в силах убрать глупую улыбку. – Я подумал, что ты знаешь язык жестов,

но не пользуешься им, потому что все равно никто не поймет. А сейчас до меня дошло! Мы используем разные языки жестов! Ты ведь из Англии?

И почему только я не могу перестать показывать эмоции? Я крепче держусь за зонт, как корабль за якорь, в надежде, что он сможет забрать у меня это странное ощущение. И вновь киваю.

– И ты не знаешь русского языка жестов?

Догадайтесь, что я делаю.

– У меня есть отличная идея! – Голд оборачивается, услышав приближающиеся шаги десятков пар ног. – Я научу тебя русскому языку жестов, а ты меня – английскому. Идет?

Наконец так сильно раздражающая меня улыбка исчезает с моего лица. Какая же я идиотка! Решила прикинуться немой? Может быть, думала, что все люди умеют читать по губам? Может быть думала, что никто в новой школе не будет знать языка жестов?

Конечно, нет. Ни о чем таком ты не думала.

Уголки полных губ опускаются, а глаза превращаются в рентгеновский аппарат, сканирующий меня с ног до головы. На секунду я даже чувствую себя голой, безоружной, опустошенной в этом забытом всеми богами холле. Я срываюсь с места и мчусь обратно на улицу, просачиваясь между непонимающими узколобыми незнакомцами, которые никогда не смогут встать на мое место.

Дождь почти прекратился. От намокших столов доносит-

ся характерный запах мокрой древесины. Долговязый лысый Степашка уже ставит на тележку подносы с грязной посудой, и в этом ему помогают двое кухонных работников, имен которых я не знаю.

– Ты доела? – спрашивает Степашка.

Бросаю отрешенный взгляд на насквозь промокшую салфетку, быстро хватаю рюкзак и разворачиваюсь.

В коридоре второго этажа меня окликает знакомый голос:

– Вивиан!

Кладу зонт в боковой карман рюкзака, мысленно отдавая ему всю плохую энергию, и печатаю:

«Привет, Тимофей».

– Ты можешь называть меня Тим.

«Хорошо».

– Ты с обеда? У нас уже был перекус после третьего урока, а после шестого будет обед.

«Тебя больше не доставали?»

Тим заминается и переводит взгляд куда-то вдаль. Он решает, стоит ли говорить то, что он хочет сказать.

– Я надеюсь, ты не против... Я сказал этой троице, что ты сфотографировала их, выбегающих из кладовки. Они тоже очень дорожат учебой в Академии. У них, конечно, богатые родители, но, как я понял, и они не посядут на побои. Вот так.

Рассматриваю только что услышанное со всех сторон и поражаюсь находчивости своего нового знакомого.

«Я не против. Ты находчивый».

– Спасибо! – озаряется Тим. – Я рад, что встретил тебя. Ой, мне пора на урок. Пока, Ви!

На последних уроках я стараюсь абстрагироваться от всего произошедшего, но и это удается мне с трудом, так как учительница по английскому языку сначала добрых пять минут хвалит уровень моего английского, а потом рассказывает всем о своей практике в Оксфордском и Кембриджском университетах. И это я стараюсь не выделяться! Как хорошо, что мне не задают никаких вопросов, иначе бы я навлекла на себя много нелестных перешептываний.

Занятие по йоге прошло мирно и помогло немного успокоиться – все потому, что Артур пропустил его по неизвестной мне причине.

Долгожданные пять часов вечера. Думаю, что идея девочек с кафетерием не такая уж и плохая.

– Пока, Ви! – бросает мне вслед Анджела. Но я, сама не веря, что приказываю своим ногам идти за ними, следую в кафетерий, находящийся на пять ступеней ниже уровня холла. Внутри оказывается свежо и просторно, но темно, как в каком-нибудь баре. Убранство кафетерия похоже на старый британский паб – каменные стены с редкими картинами, фонари и лампочки вместо светильников. Но специальные столики с кожаными диванами для учителей в левом углу, таблички с делениями на классы и разноцветные скатерти на столах указывают на то, что это все-таки школьная столо-

вая.

– Ви! – замечает меня Алекса. – Ты пришла! Класс! Видишь, там ширмочка? Пошли.

В дальнем правом углу действительно стоит красная ширма под стать китайским фонарикам. За ней оказывается проход в совершенно другое помещение. В таких местах обычно прячут какой-нибудь speakeasy¹⁵. Несколько мягких диванов, много света, книжные стеллажи с настольными играми. Что это за место?

– Добро пожаловать в наш секретный шта-а-а-б! – Алекса раскидывает руки и поворачивается на каблуках, делая акцент на последнем слове.

– Знания об этом месте передаются каждому избранному десятикласснику. Но приходить сюда можно только с разрешения старосты. И, конечно же, нашей любимой Анночки Васильевны, – Анджела ехидно улыбается при виде повара.

– Ой, подлиза! Да это самое лучшее место в школе. После моей кухни, естественно. Но туда вход запрещен всем! А это место придумано директором для поощрения старшеклассников. В первые годы школы было таким популярным, все мечтали сюда попасть, вход был по билетикам. Завуч выдавала их за внеклассную деятельность. А теперь... Ты да я да мы с тобой! Больше это место крутым не считается. Да что тут говорить! Моим девочкам я всегда рада. Так, у меня сегодня есть немного наполеона, для учителей готовила, из по-

¹⁵ подпольный бар.

проще – профитроли... И блинчики могу разогреть, ты же их вроде не доела, да?

Я округляю глаза и киваю раз пять.

– Ты просто так их салфеточкой накрыла, что я подумала, ты не успела их съесть. Никому не говорите, но у нас потом нетронутые порции дядя Леня за обе щеки уплетает. Это оператор.

А, ну конечно. У него же такая тяжелая работа!

Пока мы ждем сладостей, сидя на мягких тканевых диванах, девочки несколько раз перешептываются, явно решая, какой вопрос задать мне сначала. Но я не предоставляю им такой возможности.

«А кто еще знает об этом месте?»

– Из наших? Да почти все. Модно было в начале прошлого года сюда со знакомыми одиннадцатиклассниками навещать. Но на то это и мода, она исчезла. А потом, когда у них экзамены пошли, подготовка, в основном приходили мы, Марта с Машкой, Давид с Артуром, Бэк иногда и Сонька пару раз.

– А теперь наша очередь, – перенимает эстафетную палочку Алекса. – Ты чего с обеда убежала, как ненормальная?

Достаю из бокового кармана зонт и показываю девочкам.

– А-а-а. Теперь понятно. А то мы не поняли даже, еще и Голд будто бы за тобой побежал.

«Я его увидела мельком, когда шла обратно».

– Я же говорила, Эндж, что в туалет пошел, а ты – нет, нет!

Анна Васильевна вовремя приносит пирожные, разогретые блинчики, политые сверху шоколадным топингом, и чайник чая с тремя чашками.

– Анночка Васильевна, а где те изумительные пирожные, которыми вы нас в прошлом году угощали?

– А эти вам что, не изумительные? Вот те раз!

– Ну вы что, Анночка Васильевна! Самые вкусные у вас пирожные. Ни в каких кафе таких нет. Просто те были... ну как сказать...

– Произведениями искусства были, Анджелочка, так и говори. Да, конечно, не я их делала, сами понимаете. Но поставщик пока не выходит на связь.

– Неужто Степка? – удивленно спрашивает Алекса.

– А что это сразу я? – отвечает внезапно появившийся из кухонных маятниковых дверей второй повар. – Я вообще мастер холодного и горячего цехов. А по напиткам и десертам у нас все Анна Васильевна.

– Ты представь только, Ви, там такие пирожные были! Разной формы, с вензелями, прослойки всякие, ух! Я таких в жизни не пробовала. Как назвать-то бы... Авторские, что ли. Не простой шоколадный торт, а с манговым муссом, и все в таком духе.

После пары-тройки сплетен и фотографий еды для Instagram с последующей публикацией для ограниченного круга лиц девочки решают, как обычно, отправиться по разным кабинетам и заняться важными для поступления

в артистические вузы делами. Я сердечно благодарю повара в заметке и интересуюсь у девочек, где здесь можно позаниматься в тишине.

– Можешь попробовать библиотеку, но туда обычно мелкие ходят. А можешь специальную тихую комнату, туда обычно, кроме старшеклассников, как раз никто не заглядывает.

Тихая комната отличается от всех кабинетов уже при входе – большие резные деревянные двустворчатые двери похожи не на двери в кабинет, а скорее на портал в Нарнию.

Внутри комната оказывается похожа на большинство библиотек в моих прежних школах, разве что меньше и уютнее. Я вижу сидящих рядом в наушниках двух десятиклассников и прохожу немного дальше, за большой книжный шкаф, ширины которого хватает, чтобы разделить помещение и создать некую нишу.

За одним из двух столов спиной к стене сидит Голд.
Блин.

Я не знаю, замечает он меня или нет, но единственно верным решением сейчас будет просто выйти из комнаты и подождать Сашу внизу.

– Ви! Ви, подожди, не надо меня бояться! – Голд догоняет меня около дверей, аккуратно хватает за запястье и разворачивает. Я недовольно вырываю руку.

– Прости! Я не хотел... Не надо меня бояться, пожалуйста! – Смотрю на одного из десятиклассников, который даже

вытащил наушник из уха. Голд тоже смотрит на него и вовремя реагирует: – Все нормально! У нас проект.

Какой такой проект? У меня только один проект – проект Вивиан Ковальчик под кодовым названием «Не выделять-ся». А что это ты тут выдумал?

– Пойдем туда, поговорим. Пожалуйста, – искренне просит Голд. И я верю ему, потому что в свете библиотечных ламп вижу в его чистых голубых глазах неподдельный интерес. Вот только к чему? Или... к кому?

Сама не понимая своих действий, я следую за ним в нишу. Голд отодвигает для меня стул напротив себя и жестом просит присесть. Я очищаю заметку в телефоне.

– Я знаю, что это может показаться странным... – Он переходит на шепот и, скрещивая руки на груди, пододвигается ближе. – Но всему есть логическое объяснение. Когда я узнал, что у нас будет новенькая, я подумал: «Хм, прикольно». Когда я узнал, что ты иностранка, я подумал: «Она, наверное, будет очень интересным собеседником!» Но когда я увидел тебя в понедельник, а Анджела сказала, что ты немая... – Голд остановился, снова закусил нижнюю губу и ухмыльнулся. – У меня есть младшая сестра. Кая. Чудесная девочка, в следующем году ей исполнится семь лет. Но только... Она глухая. Вот. Поэтому я подумал, что мог бы помочь тебе освоиться, чтобы тебе было удобнее общаться. А вот о языках жестов не подумал! Дурак, что тут скажешь. Но идея-то неплохая, что думаешь?

Я понимаю, что мне сложно о чем-либо думать, когда на меня смотрят два искрящихся кристалла, два излучающих тепло и заботу топаза.

Так, Вивиан, соберись! Нужно как-то мягко ему отказать, напиши, что ты не нуждаешься в его помощи, но ценишь такое предложение.

«Спасибо, эта идея звучит круто! Я в деле» – пишу вместо этого я и вижу, как лицо Голда озаряется яркой широкой улыбкой.

– Отлично! Я рад. Представляешь, какое совпадение? Мы оба знаем языки жестов. Только разные. Подумать только!

Да уж. Проблема лишь в том, что я не знаю языка жестов! Влипла ты, Вивиан, влипла!

– Только у меня есть одна просьба. Родители не хотят, чтобы меня в школе жалели. Поэтому никто не знает, что моя сестра глухонемая. Ты ведь никому не скажешь?

«Конечно, нет. Я умею держать секреты» – пишу я и ловлю себя на мысли, что это самая настоящая правда. Хотя что-то.

– Когда ты сможешь начать? Я почти каждый день остаюсь в школе делать уроки, поэтому час от этого времени...

«Через неделю. У меня дома еще много дел после переезда».

– Да, я понимаю. Тогда договорились! Через неделю. По рукам?

Голд протягивает мне ладонь, закрепить эту странную сделку, и я осторожно пожимаю ее и быстро отдергиваю свою, боясь, что она вспотеет. Моя ладонь кажется такой маленькой и хрупкой, что в моих мыслях он может сломать ее одним лишь только касанием.

Он уже ломает меня. Одним только взглядом.

Глава 7

Say Kant!¹⁶

Вся следующая неделя проходит в изучении британского языка жестов, в основном посредством видеороликов и интернет-статей. Саша сразу же вызывается мне помочь, только на деле его помощь оказывается Золушкой после бала. Чуть за полночь друг уже сопит, подпирая ладонью подбородок, и мне становится его так жаль, что я помогаю изнуренному работой добраться до кровати.

И продолжаю упражнения вновь и вновь, пока будильник на телефоне не дает знать о том, что у меня осталось два часа на сон. Хорошее это дело, однако у меня совсем нет времени на сонный паралич!

– Ну, знаешь, Ви! Ты-то дурочка, а я-то как не подумал о языке жестов? Ну совсем из нас вруны никудышные!

– Какие?

– Да никакие! Прибавила ты нам забот, но ничего. Это

¹⁶ Скажите: «Кант!»

даже интересно.

Я все понимаю и не предъявляю Саше претензий; все чаще родители возвращаются домой ночью, мало едят и совсем со мной не разговаривают. На прошлых местах работы у них были законные обеды, а по вечерам они выбирались в кафе... Но это независимая лаборатория, мне ничего не стоит сделать пасту или заказать домой пиццу.

Я уже составила примерный план занятий. Конечно, мы начнем с азов, с алфавита и простых выражений. Поэтому объяснить то, что в памяти еще свежо, не составит большого труда. На каждой перемене я ловлю ободряющие улыбки Голда, которые мгновенно поднимают мне настроение и настраивают на продолжение чтения статей. Даже в школе.

В понедельник вечером, когда я еще корю себя за принятие совершенно детских решений и за то, кем я стала вообще, я слышу характерный звук в открытом ноутбуке. «Артур Золотов хочет добавить вас в друзья».

Билось ли мое сердце так же учащенно, когда заявки в друзья мне отправляли Рита и Соня? Нажимаю кнопку «Добавить», даже не открывая профиль Голда.

Теперь у меня шесть друзей. Прямо как на Facebook.

Артур: Привет :)

Я же только что его добавила! Что мне делать? Ответить? Ну конечно, ответить!

Вивиан: Привет.

Артур: Почему у тебя нет фотографии в профиле?

Вивиан: А зачем она нужна? Все мои друзья и так знают, как я выгляжу.

Артур: Ты права! Никогда раньше об этом не задумывался.

Решаюсь посмотреть профиль Артура. Фотографий у него не много: пара совместных фото с Давидом и Бэком, личные снимки на фоне природы, фотографии с прелестной светловолосой девчушкой. Они похожи: те же глаза-льдинки, та же правосторонняя ухмылка.

Артур: Ты поедешь в субботу с классом на море? Обещают солнечную погоду.

Он приглашает меня поехать вместе с классом на море? В прошлый раз в общей беседе меня приглашала Анджела.

Прекрати придумывать то, чего нет! Он тебя пожалел, потому что знаком с твоей ситуацией. Выдуманной ситуацией.

Вивиан: Не знаю. Если не будет дел по дому, то может быть.

Артур: Поезжай! Будет весело:)

Артур: Скинь любую песню. Совершенно любую.

Вивиан: Зачем?

Артур: Узнаешь, если поедешь:)

Вивиан: M83 – *Midnight City*.

И вместо того, чтобы всю субботу посвятить изучению жестового языка, я вместе с классом еду на пляж в поселке Янтарный. Мне стыдно просить уставшего Сашу отвезти меня в школу, поэтому я беру у сонного, но искреннего счастли-

вого за меня папы деньги на такси.

– Надо же! Моя Ви едет с классом в совместную поездку. Если бы знал, что так будет, давно бы переехали в Россию.

Я надеваю тонкие свободные летние джинсы, белую футболку с нарисованным маленьким корабликом у нагрудного кармашка, кеды и кладу в рюкзак вязаный кардиган.

В такси я, как всегда, сажусь на заднее сиденье и радуюсь, что водитель оказывается на редкость молчаливым. Я прошу его остановить машину за пару метров от ворот и прохожу внутрь пешком, показав в окошко башни свой школьный пропуск, который до этого ни разу не использовала. Боковым зрением я замечаю профиль Принцессы, он кажется мне молодым парнем, никак не коллегой дяди Лени.

Школьный автобус – высокий серебряный исполин – является воплощением туристической мечты. Замечаю, что кто-то уже сидит внутри; Соня, Рита, Вадим и неразлучная тройка парней стоят около автобуса и над чем-то смеются.

– Вивиан! Я так рада, что ты решилась поехать с классом. Мы на всякий случай взяли дополнительную порцию обеда, – Анастасия Дмитриевна в светлом льняном платье обескураживает меня своим появлением. А я-то думала, никаких взрослых! Так даже лучше. Судя по всему, она же наш... классный руководитель? Правильно?

Улыбаюсь и киваю. Вышедший из здания школы Степашка ангажирует ребят на помощь с двумя большими картонными коробками.

Из автобуса выбегают всадники моего Апокалипсиса. Их всего двое: Анджела и Алекса. Хоть от девочек и искрит дружелюбием, я каждый раз боюсь, что ненароком отвечу на их многочисленные вопросы.

– Ви! Ты такая молодец!

– Последние летние деньки, как иначе? Умничка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.